

«Фишка Александры Мироновой: предсказуемо не будет».
НАТАЛЬЯ ПОЛЯНСКАЯ, ПИСАТЕЛЬ

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ПОД СЕНЬЮ ОМЕЛЫ

Потерять, чтобы спасти

Александра Васильевна Миронова
Под сенью омелы
Серия «Вслед за мечтой»
Романы А. Мироновой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946450

А. В. Миронова. Под сенью омелы: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-195005-7

Аннотация

Специалист по связям с общественностью Алевтина Орлова оказывается втянутой в расследование жестокого убийства известного промышленника. Она планирует раскрыть преступление, написать сенсационную статью и заработать деньги на лечение мужа. Но вскоре дело становится для нее личным, и Але начинает казаться, что она сходит с ума, – в расследовании неожиданно появляется древний культ. Алевтина начинает подозревать, что к нему имеют отношение близкие ей люди. Но всегда ли зло должно быть наказано и что такое «зло» на самом деле?

Александра Миронова

Под сенью омелы

© Миронова А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Девушка была похожа на кицунэ – фантасмагорическую лисицу из японского комикса, обладающую сверхъестественными силами. Время от времени зачарованная лисица превращалась в красивую женщину, способную повести за собой любого, чтобы потом убить его ядом.

Ее выступление всегда приберегали на конец. Казалось, сегодня небольшой клуб под банальным названием «Клубничка», где по ночам местные девицы устраивали стриптиз для усталых мужчин средних лет, был не в состоянии вместить в себя всех желающих. Все ждали, затаив дыхание, и не сводили глаз со сцены. И вот свет погас, по залу раскатился возбужденный ропот. Мужчины впились взглядом в тонкий луч, прорезавший темноту, и замерли.

Девушка материализовалась из мрака. Одета в черный латекс, с маской лисы на лице. Ее почти полностью скрывали густые длинные светлые волосы, спадающие до пояса. А зеленые глаза в прорезях маски готовы были обжечь любого,

кто осмелился бы преодолеть дистанцию и коснуться танцующей девушки. Она была божеством, на которое можно было лишь смотреть, но не касаться, иначе высшие силы могли тебя за это покарать.

Музыка залила зал, девушка начала двигаться. Она казалась ртутью, перетекающей в такт ритму. Она была частью этого ритма. Как если бы видения Скрябина внезапно стали реальны и музыка обрела цвет и форму.

Музыка ускорила, и девушка полностью слилась с ней. Вначале она избавилась от латексной куртки, словно та мешала ей стать частью нотного полотна. Под курткой обнаружился кожаный топ с металлическими шипами. Толпа удовлетворенно загудела. Тело девушки было совершенным – выдавали многолетние тренировки и спортивное прошлое. На сцену полетели первые купюры.

Девушка нырнула к полу, словно змея, перевернулась на спину и избавилась от второй кожи, узких кожаных штанов, оставшись лишь в коротких шортах. Скользнув к шесту, она быстро закружилась возле него, не давая рассмотреть детали, но оставляя место воображению.

Мужчины пришли в видимое возбуждение. Один из них нервно выкрикнул срывающимся голосом:

– Хватит выпендриваться! Давай все снимай! Я плачу! – и кинул на сцену, уже усталую тонким слоем отечественных купюр, весомую иностранную.

Девушка внезапно прекратила движение, словно услы-

шала нахала, посмевшего ее потревожить. Она остановилась, опустилась на колени, уставившись на него немигающим взглядом, а затем встала на четвереньки и, не сводя глаз с глупого смельчака, в одно движение оказалась возле края сцены, будто пронесшись по воздуху. Мужчина не успел опомниться, как лицо девушки оказалось совсем близко, и она сделала резкое движение, намереваясь укусить его за шею.

Мужчина – ему было около пятидесяти, судя по помятому дорожному костюму и наглости, он был из залетных чиновников – вскрикнул от испуга и резко подался назад, наступив на ноги стоящим позади него двум молодым парням, зачарованно глядящим на сцену.

– Ты чего? Охренел? – возмутился один из них и оттолкнул чиновника так, что тот снова подлетел к сцене, задев по дороге еще нескольких человек, не сводивших глаз с девушки, которая снова была в луче света и, обвив, словно дикая лиана, шест, избавилась от шипованного топа, впрочем, не показав ничего, что могло бы окончательно свести с ума толпу мужчин, – густые светлые волосы рассыпались по плечам и по-прежнему не давали рассмотреть детали, из-за чего распалили мужчин еще больше.

Недовольные тем, что их потревожили, парни снова пнули незадачливого чиновника, к которому, впрочем, уже успел пробраться телохранитель, немедленно принявшийся энергично распихивать всех, кто покусился на его работодателя.

Небольшая перепалка переросла в стычку, и несколько мгновений спустя в зале развязалась самая настоящая драка.

Лишь только один человек оставался равнодушным ко всему происходящему. Высокий, светловолосый, похожий на эльфа, только с коротко стриженными волосами. Сложив руки на груди и прислонившись к стене, он с легкой улыбкой наблюдал за всем происходящим, которое, казалось, его совсем не тревожило. Он не боялся пострадать, несмотря на то что конфликтующие стороны находились уже в опасной близости. Он даже не удостоил их взглядом. Эльф не сводил глаз с девушки, следил за ней как загипнотизированный.

Музыка ускорялась, девушка слилась в одно целое с шестом и напоминала растение, чьи воздушные корни поглощают опору и не намерены ее никому отдавать. Она нужна им как трамплин для прыжка. Девушка расстегнула боковые молнии на шортах, и в тот момент, когда те уже готовы были упасть со стройных бедер, в зале погас свет.

Волшебство рассеялось. Охранники клуба кинулись разнимать воюющие стороны. Впрочем, чиновнику с помощью телохранителя уже удалось сбежать из эпицентра бедствия, и он двигался в сторону, где, по его соображениям, должны были находиться гримерки.

– Туда нельзя, – секьюрити вынырнул из темноты. Он был невысоким и мощным и одним своим видом должен был внушать опасения разгоряченным головам.

– Отвали, – буркнул чиновник, поправляя пиджак.

– Нельзя, – парень встал на пути и кинул взгляд на маячившего за помятым чиновником телохранителя.

– Славик, разберись, – коротко кинул чиновник телохранителю. Славик оказался быстрее и проворнее местного охранника. Парень и не заметил, как очутился на полу, не в состоянии пошевелиться и вздохнуть.

– Полегче с ним, – снисходительно попросил чиновник, оправляя пиджак и стряхивая с него следы потасовки. – Все-таки человек на работе.

Перешагнув через охранника, он двинулся по коридору. Сегодня ночью он получит эту девушку, ведь ничего подобного у него в жизни не было.

Безусловно, как у любого состоятельного человека, пребывающего в браке уже не первый десяток лет и готовящегося к скорому появлению на свет второго внука, у него были молодые любовницы, держащие его в тонусе. Но все они и в подметки не годились той, которую он видел сегодня. За секунду она заставила его испытать такой бешеный прилив адреналина и возбуждения, которых он никогда раньше не испытывал. Все его любовницы были молоды, глупы и безобидны. А эта... эта была опасной, и его это возбуждало.

Он начал открывать гримерки без стука, не обращая внимания на вопли полураздетых девиц, собирающихся домой после выступления – эту «лису» всегда приберегали напоследок, как сообщил ему сегодня мэр, к которому он приехал с проверкой и который постарался сделать все, чтобы

ублажить высокого гостя. Собственно, он и шепнул ему на ухо, что в местной «Клубничке» появилось нечто особенное. И сейчас чиновник был готов заполучить это «особенное» любой ценой.

Он знал, что такая, как она, кричать от испуга не будет. Поэтому сразу понял, когда очутился у нее в примерке. Девушка сидела перед зеркалом. Она так и не сняла маску, а вот облегающие штаны уже успела надеть. Верх прикрывал топ с шипами.

Она была совершенна. Наверное, так должны были бы выглядеть древнегреческие богини, если бы они жили в наше время.

– Сколько? – прохрипел чиновник, расстегивая ворот рубахи, внезапно сдавивший его дыхание.

– Закрой дверь с той стороны. – Девушка, обернувшись на звук, снова повернулась к зеркалу, и у чиновника помутилось в голове – их было две. Одна теплая, живая, на расстоянии вытянутой руки, другая, в зеркале – холодная, недосягаемая. Он возьмет их обеих прямо здесь. И ничего ему за это не будет. Никто не станет суетиться ради какой-то стриптизерши.

Не говоря больше ни слова, он закрыл дверь за собой, оставаясь в комнате. Повернул в замке ключ на два оборота.

– Детка, я могу дать тебе денег. Скажи, сколько хочешь? Я очень богатый человек. Станцуешь для меня? Приват? Ну что тебе стоит?

Девушка не двигалась с места, продолжая смотреть на стремительно стареющего мужчину, чей взгляд был гораздо красноречивее его слов. Такие, как он, всегда получают то, что хотят. Вот только она не готова была это ему дать.

– Танцы закончились, закрыто, – не теряя хладнокровия, сообщила она, жалея, что не успела переобуться. В тяжелых армейских ботинках, которые она предпочитала любой обуви, ей было бы гораздо уютнее.

Мужчину она не боялась. Она вообще ничего не боялась, просто обдумывала свои действия. Как ей стоит поступить – сделать так, чтобы тот пострадал сильно и до конца жизни запомнил, что не стоит лезть к девушкам, отчетливо говорящим «нет»? Или же просто избавиться от идиота и сбежать?

Мужчина тем временем сделал резкое движение вперед с целью навалиться на девушку тяжелым телом и, прижав ее к столику, стащить с нее идиотские брюки и получить желаемое. Но девушка оказалась быстрее. Одним легким движением она соскользнула со стула, и мужчина, не успевший это отследить, напоролся на стол животом и пахом и взвыл от боли.

– Сука!

– Что есть, то есть, – кивнула девушка и направилась к двери, чтобы открыть ее. Развернувшись спиной к своему агрессору и поворачивая ключ в замке, она на секунду утратила бдительность, этого ему хватило, чтобы схватить стул, стоящий у столика, и со злостью швырнуть его в девушку.

Он почти промахнулся, стул рухнул рядом с девушкой, но его ножка больно ударила ее по колену.

– Скотина! – девушка вышла из себя и взяла стул, намереваясь кинуть его обратно в чиновника, но кто-то гораздо более высокий и сильный, чем она, перехватил ее руку. Девушка сделала резкий поворот и оказалась лицом к лицу с высоким молодым человеком спортивного телосложения, распахнувшим открытую ею дверь и готовым снова защищать своего начальника-идиота.

– Наконец-то, – пробурчал чиновник, продолжая держаться за пах, которым напоролся на острый угол стола. – Где тебя черти носят?

– Охранник сопротивлялся, – сообщил молодой человек и одним движением развернул девушку к себе спиной, прижав ее рукой за шею так, что у нее потемнело в глазах. – Она вас ударила?

– Да, – пожаловался чиновник, – отвратительно себя вела. Подержи ее, я быстро.

Он приблизился к девушке и попытался стащить с нее узкие штаны. Та в ответ извернулась и пнула его ногой в пах. Чиновник снова завопил:

– Да ты что, сука, себе позволяешь? Расслабься, говорю, тебе понравится! Снимай штаны. Маску можешь оставить, так и быть. Лисы у меня еще не было.

Девушка не поверила обещаниям о грядущем удовольствии и продолжала сопротивляться, но Славик сильнее сда-

вил ей горло, и девушке показалось, что кто-то выключил свет. До нее, словно через толщу ваты, доносились какие-то слова, она чувствовала, как мерзкие липкие руки шарят по ее телу и медленно, но уверенно снимают с нее штаны. Она готова была заорать от отчаяния – какая же она идиотка, понадеялась, что в родном городе ничего с ней не случится. Не подумала, что сюда могут залететь птицы из других мест, для которых такие, как она, просто грязь под ногами.

А затем она неожиданно почувствовала свободу и рухнула на пол. Несколько секунд ей понадобилось, чтобы восстановить дыхание и понять, что произошло. Она разглядела высокого красивого парня, который следил за ней все представление. Девушка тоже обратила на него внимание – не часто такие экземпляры появляются в их краях. Неподалеку от парня на полу валялись чиновник и его охранник. Судя по всему, они были без сознания. Девушке вдруг стало страшно – а если вместо двух пьяных идиотов она оказалась один на один с кем-то гораздо более опасным? Но молодой человек лишь улыбался, пристально глядя на девушку, сидящую на полу.

– Отлично двигаешься. Занималась танцами?

Девушка ничего не ответила, лишь отползла в дальний угол, не сводя глаз с незнакомца.

– В следующий раз закрывай за собой дверь, люди разные бывают, – парень кивнул ей, прощаясь. Подхватив под руки вначале Славика, а затем грузного чиновника, вытащил их в

коридор и закрыл за собой дверь.

Девушка еще какое-то время посидела в углу, прислушиваясь и не веря собственному счастью, а затем кинулась к двери и закрыла ее на ключ. Только после этого она смогла вздохнуть с облегчением и снять с себя надоевшую до чертиков маску кицунэ и парик.

Посмотрела на себя в зеркало — в ответ на нее взглянула симпатичная девушка с волосами цвета полыхающего закатного солнца, которая и без маски была похожа на лисицу. Тонкие черты лица, заостренный аккуратный нос, настороженные зеленые глаза, россыпь веснушек и густая челка. В Алевтине Орловой никто бы не признал стриптизершу Кицунэ, которая уже несколько месяцев будоражила мужскую общественность города и скрывалась за маской из японского аниме.

Переодевшись в джинсы, толстовку с капюшоном, короткий пуховик и армейские ботинки, Аля снова почувствовала уверенность в себе и обрела почву под ногами. Как же много значит одежда!

Она подошла к пустому стеллажу, стоящему возле грифовочного столика. Он был специально поставлен сюда, чтобы обеспечить беспрепятственный выход девушкам, которых слишком бесцеремонно домогались выпившие и разгоряченные клиенты. Аля схватила большой рюкзак, который всегда брала с собой на работу, затем снова взяла маску и натянула ее на лицо. О том, кто она такая, знал только

хозяин клуба, Алик, всем остальным это было знать совсем ни к чему.

Аля знала, что Алик торгует наркотой, и пообещала сдать его Палычу, если тот хотя бы намекнет кому-то, кто такая Кицунэ на самом деле. Алик был умным парнем и молчал как могила. К тому же с приходом Али в его клуб тот зажил новой, лучшей жизнью.

Аля отодвинула стеллаж в сторону и открыла скрывающуюся за ним дверь, ведущую на кухню, а оттуда в тихий переулок, где была припаркована ее колымага. Утром придет уборщица и вернет стеллаж на место.

Она вышла на кухню, где к этому моменту оставался только усталый повар, готовивший десерты, тот уже убирал свое рабочее место.

– Бурная ночь выдалась? – криво усмехнулся он. Аля пожала плечами, ничего не ответив.

– Вот приготовил тебе. – Повару и не нужен был ответ. Он кивнул на большую коробку, в которую сложил еду, оставшуюся после гостей. Нарезки, недоеденные закуски, невостребованный хлеб, а порой и горячие блюда, к которым гости даже не притрагивались. Аля заметила, что в этот раз улов был по-настоящему царским – две отбивные, жареная картошка, овощи с фруктами и даже несколько пирожных.

Подхватив коробку и кивнув повару в знак благодарности, она двинулась к двери, толкнула ее ногой и очутилась в пустом переулке.

– Давай помогу, – парень бесшумно подкрался из-за спины, и Аля от неожиданности чуть не выронила коробку из рук. Ей очень хотелось спросить, какого черта ему надо, но она сдержалась – голос может ее выдать. Оставалось лишь надеяться, что капюшон достаточно низко надвинут и молодой человек не заметит, что ее цвет волос заметно изменился.

Она замерла, глядя на парня как загнанный зверь.

– Не бойся меня, – снова улыбнулся тот, и Але стало не по себе. – Я просто хотел удостовериться, что у тебя все в порядке.

«Убирайся», – мысленно пожелала ему Аля, а сама направилась к машине. Поставила коробки на капот и потянулась за ключами, продолжая коситься на парня. А если он сейчас толкнет ее в машину и куда-то увезет? Он был явно приезжим и выглядел странно.

Когда Аля решила вспомнить танцевальное прошлое и пойти на работу, где можно было заработать неплохие деньги, она прекрасно понимала все сопутствующие риски. Но, проведя огромную часть жизни в полицейском управлении, она знала, что основные заботы местных правоохранительных органов – это мелкие кражи, разборки между соседями, угоны автомобилей и бытовые конфликты, которые изредка заканчивались убийствами, спровоцированными алкоголем. Никаких маньяков, серийных убийц и прочей напасти у них в городе отродясь не водилось. Поэтому она беспечно счита-

ла, что находится в относительной безопасности, даже танцуя в стриптиз-клубе по ночам. И теперь ей впервые в жизни стало страшно на улице родного города.

Ей хотелось прямо спросить странного парня, что ему от нее надо, но она сдержалась. Лишь взяла коробку с капота, затем открыла пассажирскую дверь и поставила ее на сиденье. Затем, обогнув машину, подошла к водительской двери и выжидающе уставилась на парня. Ей хотелось, чтобы тот испарился. Она жутко устала, и, несмотря на то что завтра у нее выходной, который официально назывался «днем работы из дома», день ей предстоял тяжелый. Хотелось рухнуть в постель и забыться быстрым сном до того момента, пока не проснется Рома и она снова погрузится в привычный кошмар.

– Я просто хотел удостовериться, что у тебя все в порядке, – заверил ее молодой человек. Аля неопределенно мотнула головой, давая понять, что у нее все прекрасно, и скользнула на водительское место, сразу же заблокировав дверь.

Молодой человек отошел с дороги, но долго смотрел вслед старой, побитой жизнью машине, выехавшей из переулка и резко ускорившейся.

Девушка не была похожа на стриптизершу, он понял это еще в зале. Впрочем, он не мог назвать себя большим знатоком стриптиза, он бывал на нем всего несколько раз в жизни, и тогда ему не понравилось увиденное. Но эта девушка... Она была особенной.

Аля ехала по пустому проспекту. Быстрый взгляд на часы – те показывали начало четвертого утра. Она чертыхнулась. Надо все-таки попросить поставить ее номер на пораньше, хотя тогда остальные девушки рискуют остаться без публики. Впрочем, ее это ничуть не заботило, со своими коллегами по сцене она не общалась. Пусть повышают уровень мастерства, если хотят закрывать программу.

Она свернула к стройке, начавшейся много лет тому назад, но так и не закончившейся. Остановила машину, сняла дурацкую маску с лица и кинула ее на заднее сиденье. Вышла из машины, обошла ее по кругу, достала коробку и уверенно зашагала к рушащейся махине, уставившейся на нее пустыми глазницами.

– Федор Михалыч, Ксенофонт! – громко позвала она, не переживая о том, что может кому-то помешать. Жилых домов поблизости не было, а те, к кому она направлялась, в это время суток только возвращались с работы.

– Аленька, детка, – из пустого черного проема показалась массивная фигура, одетая в несколько слоев одежды, – холодно. Зима в этом году, пришедшая слишком рано, и не думала сдаваться, несмотря на то что календарь сигнализировал о начале весны.

Аля поморщилась от запаха – похоже, ее знакомый давно уже не навевывался в общественную баню.

– Как жизнь, Федор Михалыч? – улыбнулась она ему, протягивая коробку.

– Лучше всех! Весна уже скоро, я ее чувствую, ты заметила, как пахнет воздух? – Бомж, приблизившись к Але, повел носом, но та не могла разделить его восторга. Сама она чувствовала лишь исходящую от него вонь, грустно думая, что превращается в человека, который видит стакан наполовину пустым.

– Вот привезла вам, еще теплое, поешьте хоть нормально, – она сунула коробку бомжу в руки.

– Спасибо, милая. Дай бог тебе здоровья, – расплылся тот в беззубой улыбке. – Новости есть?

– Есть, – кивнула Аля, – но только я их еще не знаю.

Федор Михайлович, прозванный знакомыми ему людьми Достоевским, понимающе кивнул и не стал ничего спрашивать. Захочет – сама расскажет. А то, что он всегда готов ее выслушать, девушка и так знала.

– Ксенофонту привет, где он, кстати? – та сменила тему. – Давно не видела.

– Захворал, но это ничего. Пойдем к матушке твоей, чтобы лекарство какое дала.

– Лучше в аптеку, мама еще в командировке, – Аля направилась к машине, бомж потрусил за ней, не выпуская коробку из рук.

– Ну так вернется же она, – удивился Достоевский. – А в аптеках только травят людей, только травят. Сила, она в природе.

Аля криво усмехнулась, не решаясь вступить в извечную

полемику с Достоевским, свято верящим в природные силы.

– Привет Ксенофонту, – она скользнула в машину и завела двигатель, задумавшись, стоит ли ей настоять на том, чтобы Ксенофонт пошел к врачу.

Она уже и не помнила, откуда тот взялся в их городе. Был он безвредным, как крокодилов сторож – маленькая птичка, чистящая зубы аллигатору. Тихонько бродил по городу, выковыривая из мусорок и неподобающих мест бутылки, а затем сдавал их на переработку. Когда Достоевский окончательно переехал на улицу, Ксенофонт обучил его правилам выживания в неблагоприятной среде, с тех пор эти двое были неразлучны.

Махнув Федору Михайловичу рукой на прощание, Аля развернула машину и направилась к дому. Начавший накрапывать дождь навевал сонливость. Она настолько устала, что вела на автопилоте и в какой-то момент начала засыпать за рулем. Ей неожиданно приснился белый «Мерседес» матери, машина приметная, но абсолютно невозможная в этот час на улицах родного города. Мама была в командировке и обещала вернуться не раньше вторника. В этот момент небо разрезала молния, раздался оглушительный удар грома и на землю обрушился ливень.

– Черт, – процедила сквозь зубы Аля, широко открывая глаза, впиваясь взглядом в дорогу. Дворники не справлялись, потоки дождя грозились смыть ее в реку, а бесконечные разряды молнии делали все происходящее сюрреали-

стичным. Аля ехала буквально на ощупь, молясь всем богам, чтобы больше никакому идиоту не пришло в голову выехать в это время на дорогу.

Боги ее услышали, и через несколько секунд она осознала, что заехала во двор родного дома. Поставила машину на свое место – о том, что место Алино, знали все соседи и из уважения к ней никогда на него не посягали. Бегом побежала в подъезд, успев за несколько секунд вымокнуть до нитки, поднялась на свой этаж и, стараясь не дышать, открыла двери. Наскоро вымыв руки и умыв лицо, решила отложить душ на утро – сил не было даже включить воду и помыться, к тому же дождевая вода и так смыла с нее все грехи этой ночи. Затем выгребла из кошелька все деньги, которые сегодня удалось заработать, – улов был очень неплохим. Отложив пачку купюр на умывальник, она быстро сбросила одежду в корзинку и ожесточенно растерлась полотенцем, стараясь согреться. Затем тихонько, на цыпочках, прихватив деньги, пробралась в гостиную, вытащила из шкафа чистое белье, переделалась. Осторожно подняла старую половицу, прилегающую к шкафу и стеклянной витрине, в которой хранились их с Ромой кубки и медали, дела давно минувших дней, опустила деньги в импровизированный тайник, порадовавшись, что в нем на вид уже скопилась приличная сумма. Значит, письмо от врача можно будет прочесть без страха и смертельного ужаса. Это она сделает завтра, а пока, стараясь не дышать, Аля открыла дверь в спальню.

Рома крепко спал. Мамино чаю хватит еще на пару дней, а затем снова начнутся мучения. Хорошо, что мамуля скоро возвращается. Аля вдруг остро почувствовала, как соскучилась по матери и по мужу, которого видела в последний раз всего несколько часов назад. Скользнув Ромке под теплый бок, она крепко его обняла, закрыла глаза и тут же отключилась.

* * *

– Надеюсь, сегодня кого-нибудь убьют, – пробормотала Аля, не открывая глаз и пытаясь нащупать действующий на нервы непрерывным жужжанием телефон.

– Кто там? – все еще оставаясь в блаженной полудреме, поинтересовался муж, переворачиваясь на бок, автоматически кладя руку на жену, прижимая ее к себе и целуя в розовое плечо.

– Как обычно, – осторожно, чтобы не потревожить Рому, она выскользнула из объятий мужа. Тот, измотанный, снова провалился в сон как в невидимую воронку. Меньше всего Але хотелось его оттуда выдергивать.

На цыпочках проследовав к двери, Аля проклинала мерзкую ненастную погоду, не желающую выпускать город из своих цепких объятий, собственную легкомысленную сестру и опрометчивое обещание, которое она той дала: пойти вместе за покупками. Зачем она согласилась? Лучше было

сразу подписать себе смертный приговор. Ведь если и есть филиал ада на земле, то в нем непременно нужно ходить с Никой по магазинам.

Телефон снова затрясся как чумной – сестра не сдавалась. И не сдастся, пока Аля ей не ответит. Наверняка уже вернулась со своей дурацкой пробежки или спортзала (даже торнадо и высадка инопланетян не помешали бы Нике с утра пораньше заняться спортом), приняла душ, позавтракала очередной ужасающе полезной мерзостью, оделась, легким росчерком кисти создала безупречный макияж с не менее безупречной укладкой и теперь ждет ее, Алю.

Сбросив вызов Ники и отправив сестре короткое сообщение: «Я помню», Аля затащила себя в душ, с трудом закрыв дверь душевой кабинки, давно дышавшей на ладан. Через нее уже больше года просачивалась вода, поэтому пол приходилось мыть после каждого приема душа. Мыть полы Аля не любила, поэтому сократила время водных процедур по максимуму. Постояв несколько секунд под теплыми струями и направляя шланг в определенный угол, чтобы минимизировать ущерб, она глубоко вдохнула и резко перевела рычажок смесителя в режим холода. Тихонько взвизгнув от обжигающе ледяной воды, она наконец смогла окончательно проснуться.

Через тридцать секунд выскочив из душа, поскользнувшись на образовавшейся, несмотря на все ее усилия, луже и ухватившись в последний момент рукой за умывальник, Аля

ругнулась, кинула на пол старое полотенце, взгромоzdилась сверху и наскоро вытерлась другим, не менее старым. После чего почистила зубы, намазала лицо кремом для рук (если он подходит для рук, чем он плох для лица?) и обернула волосы специальным полотенцем, которое полгода назад презентовала ей сестрица. В отличие от большинства идиотских Никиных подарков этот неожиданно оказался полезным, и Аля не сумела с ним расстаться. Маленькая слабость, которую она себе позволила. В чудо-полотенце волосы высыхали без помощи фена за то короткое время, что Аля пила кофе.

Накинув халат, с полотенцем на голове она отправилась на крошечную кухню, где усмехнулась неуклюжему цветочку, слепленному из пластилина и стоящему в стакане на видном месте – Ромкина поделка. Наверное, ночью слепил, когда пытался ее дождаться. В последнее время мужу, кроме наблюдения за любимыми птицами, нравилось что-то делать руками.

Аля достала наугад первую попавшуюся кружку с полки, щедро сыпанула в нее недорогой растворимый кофе, краем сознания с горечью вспомнив о кофе из итальянской кофемашины, которую она выгодно продала в прошлом месяце. Но тут же запретила себе предаваться бессмысленным воспоминаниям: кофе – это ерунда. Не барыня, попьет и растворимый, он тоже бодрит. Дождавшись, пока закипит на плите старый чайник (их электрический тоже купил кто-то из друзей, постеснявшись просто дать денег), Аля наполнила чаш-

ку почти до краев кипятком и, стараясь не обжечься, прихватила напиток и подошла к окну, чтобы полюбоваться разгорающимся днем.

Любоваться, впрочем, было особо нечем. Серый, словно облезлая крыса, двор, в котором даже деревья в последнее время сдались под натиском унылой действительности, был окружен такими же серыми многоэтажками и забит разномастными и в большинстве своем старыми бюджетными машинами. Безликий муравейник, где жили такие же безликие люди, месяцами не видевшие солнца.

Алин многострадальный родной город задыхался от чада и копоти предприятий, которыми был наполнен до краев, словно корзина непутевой хозяйки грязным бельем. Кажется, еще чуть-чуть, и город лопнет от распирающей его сажи, вони и грязи, выплеснув гниlostное нутро, в котором захлебнутся все его несчастные обитатели.

Зеленые улицы, голубое небо и желтое солнце остались где-то далеко в воспоминаниях о счастливом детстве. Кажется, она не видела солнца с момента выпускного, когда они всем классом пошли встречать рассвет на речку. Тогда дурак Володька в парадном костюме прыгнул в воду, а потом два дня жил у Али, ожидая, пока его суровая бабка перебесится и передумает его убивать. А Рома ужасно ревновал. Кажется, в тот самый день солнце словно обиделось на то, что кто-то позволил себе быть по-настоящему счастливым, и перестало баловать их светом.

В последнее время солнечные лучи можно было легко перепутать с лунным сиянием. Ведь даже в полдень из-за смога желтая звезда, парящая высоко в небе, казалась серебристым блином, наспех приколоченным к мутному небосводу и закрытым густой вуалью.

Аля пару минут поразмышляла, а не завести ли ей дома цветы, чтобы хоть немного разнообразить унылую серость, но отказалась от этой идеи. Цветы – это мама. У нее, Али, они просто не выживут. Умрут от тоски и запаха лекарств, который в последнее время заполонил собой всю квартиру.

Не давая себе зайти слишком далеко в размышлениях, Аля тремя большими глотками выпила обжигающий кофе и быстрым шагом прошла в гостиную, где стоял шкаф с одеждой. Их с Ромой квартирка была слишком маленькой, чтобы позволить себе разместить платяной шкаф в спальне, так что одевались и раздевались они прямо в гостиной. Если так можно было торжественно величать крошечную комнатушку, где места хватало лишь на допотопный раскладной диван (наследство бабушки, которую она никогда не видела), телевизор (Ромкин кредит), стол-книжку (маменька побеспокоилась) и пару разномастных стульев, которые Аля нашла на помойке, выйдя однажды вечером выносить мусор. Стулья показались ей несчастными, одинокими и никому не нужными, поэтому Аля решила забрать их себе.

Распахнув дверцу платяного монстра, она вытянула из

шкафа наугад джинсы и клетчатую рубашку. Придется выслушать от Ники, но это было делом привычным. Высоким стандартам сестры она никогда не будет соответствовать, пора бы той уже с этим смириться.

Аля с трудом подавила зевоту – бессонные ночи начинали сказываться. С одной стороны, хорошо, что она не пошла на поводу у Алика и не стала танцевать пять дней в неделю, ограничившись лишь пятницей и субботой, а с другой... Ее продолжала грызть мысль, что если бы она танцевала больше, то и зарабатывала бы больше.

Раскрутив полотенце, Аля наскоро расчесала почти высохшие длинные рыжие волосы, затем собрала их в хвост и вышла в коридор. Схватив с небольшой тумбочки ключи от квартиры и машины, она вошла в тяжелые армейские ботинки – обувь, которой отдавала предпочтение большую часть времени, надела тонкий старый пуховик и осторожно, стараясь не хлопнуть дверью, вышла из квартиры. Постояла несколько секунд, дождавшись плавного щелчка замка, а затем кубарем скатилась по лестнице. Накинув на голову капюшон, она бегом преодолела расстояние до машины (как обычно, дождевик и зонт она проигнорировала, хотя и была в курсе, что на улице зарядил проливной дождь). Уселась в свою развалюху, завела ее с третьей попытки и направилась в сторону крупного торгового центра, расположившегося на бульваре Архитекторов, где она столь опрометчиво согласи-

лась встретиться с сестрой. По пути Аля молилась всем богам, чтобы сегодня произошло нечто из ряда вон выходящее и ей удалось бы удрать с каторги пораньше.

Невезение началось прямо на паркинге, на котором оставалось совсем немного свободных мест. Аля, включив знак поворота, принялась ждать, пока выедет машина, стоящая рядом с пустым местом, чтобы спокойно припарковаться и никому не мешать. Но не успела машина выехать, как Алю тут же подрезала небольшая иномарка, едва не спровоцировавшая аварию. Водитель машины, которая выезжала со своего места, видел только Алю, включившую сигнал поворота, ему и в голову не пришло, что кто-то может ее обогнать и попытаться встать на пустое место рядом с ним. В итоге две машины с резким визгом остановились буквально в нескольких сантиметрах друг от друга.

– Идиоты, – буркнула Аля, а потом увидела виновницу аварии, которая, встав на присмотренное Алей место, вышла из машины и триумфально ей улыбнулась. Ну, конечно. Людмила Горина.

Единственное дело, которое Але не удалось раскрыть во время ее работы на должности следователя. Такие дела никогда не забываются.

Аля была уверена, что Людмила убила мужа, которого сама же и объявила в розыск. Вот только его труп так и не удалось отыскать. А нет трупа – нет преступления. Людмила когда-то владела цветочным магазином и была одной из ярых

поборниц чистоты города. Аля не сомневалась – она наверняка прикопала опостылевшего супруга где-нибудь под розочками, недаром они у нее всегда были такие красивые и сочные, вопреки неблагоприятной экологической обстановке.

Людмила триумфально улыбнулась Але и поспешила ко входу в торговый центр, чтобы та не успела выскочить из машины и ее догнать. Сомневаться не приходилось – она узнала Алину машину и подрезала ее специально.

Але ужасно хотелось вылезти из машины, нагнать Людмилу и как следует оттащить за волосы. Но прошедшая ночь наложила свой отпечаток, и Аля решила спустить хамство на тормозах. С этой стервы станется вызвать полицию, а Але приводы в родное управление сейчас совсем ни к чему. Дождавшись, пока машина наконец выедет, Аля встала на освободившееся место, удостоверившись, что притерлась к водительской двери машины Людмилы на несколько сантиметров. Пусть стерва лезет через багажник. Ухмыльнувшись, Аля поспешила на встречу с сестрой.

– Я же тебе недавно косметику дарила. «Шанель», между прочим. – Ника даже не пыталась скрыть разочарование. Сама она была свежа, как роза в утренней росе. Длинные светлые волосы, голубые глаза и вызывающе красная помада в стиле старого Голливуда. Она являла собой полную противоположность вымокшей сестре, рухнувшей напротив нее на стул и заказавшей порцию двойного эспresso. Так и быть,

расщедрится в честь выходного, похода по магазинам и бессонной ночи.

Сама Ника пила новомодный мате на кокосовом молоке и свое отношение к выбору Али выразила легким поджатием губ.

– Продала я твою косметику, – ничуть не щадя сестринских чувств, сообщила Аля, дождавшись, когда официант принесет заказ, и сделала долгий глоток, с трудом удержавшись, чтобы не застонать от удовольствия. – Она дорогая, а я и так красивая. Ладно, выкладывай, кто он и почему мы здесь?

Она решила не затягивать обмен любезностями и перешла сразу к делу. Сестру она знала как облупленную и об истинной причине их «совместного шопинга» догадалась сразу же после ее вчерашнего звонка. Впрочем, слухи до нее уже доходили. В этом городе это было неизбежно.

– Как ты... Хотя... – запнулась Ника. – Его зовут Алексей, ему сорок лет...

– Женат? – перебила ее Аля.

– Ты бы еще мне фонариком в глаза посветила, садистка, – возмутилась Ника.

– Значит, женат. Дети?

– Они вместе не живут, – спохватилась Ника.

– Твой предыдущий тоже не жил, а жена третьего от святого духа зачала, – напомнила Аля.

– Найдешь информацию? – сестра немедленно сложила

бровки домиком, что в ее картине мира означало вежливую просьбу.

– Фамилия.

– Степанов.

– Новый? – хмыкнула Аля, намекая на нового заместителя мэра, присланного недавно из области.

– Он.

– Женат на однокласснице, двое детей, старшая в Англии в закрытом пансионе, отправлена туда любящими родственниками за связь с парнем на десять лет старше, у младшего расстройство аутичного спектра. Тяжелое. Муж никогда же-ну не бросит, именно на нее записана дача в Крыму, домик в Греции и квартира во Франции.

Несмотря на искусно нанесенный макияж, сестра побледнела и сморщилась, отодвигая в сторону недопитый мате.

– Какая гадость.

Решительно отодвинув стул в сторону, кинув на стол купюру и игнорируя маслянистые взгляды официанта и двух работяг, которые все это время буквально пожирали ее глазами, Ника поплыла к выходу из кафе. Аля из любопытства хлебнула недопитый сестрой мате.

– И правда гадость, – сообщила она официанту, взиравшему на двух девушек, словно кролик на удава, и, вздохнув, поинтересовалась: – А что-то покрепче у вас наливают?

– Есть коньяк, – недоуменно пробормотал тот, с трудом приходя в себя.

– Отлично. Оставьте немного, мне скоро понадобится, – и резко отодвинув стул и глубоко вздохнув, она направилась вслед за сестрой, мысленно проклиная себя за мягкотелость и доброе сердце.

* * *

– В желтом я слишком толстая, – на полном серьезе заявила Ника, весившая пятьдесят пять килограммов при росте сто семьдесят пять сантиметров.

– Если сейчас никто не умрет, то придется самой кого-нибудь убить, – Аля подняла глаза от телефона, где только что закончила читать сообщение от врача Романа.

Она сидела на полу магазина, привалившись к стене, и на шипение Ники, чтобы та ее не позорила и встала, никак не реагировала. На самом деле сообщение пришло еще в пятницу вечером, но Аля не могла заставить себя его открыть. Все равно на выходных проблем она не решит, а что-то ей подсказывало, что в письме речь пойдет именно о них. Будь у врача для нее радостные новости, он бы ей непременно позвонил. Впрочем, правда скрывалась гораздо глубже, и Аля ее знала, просто не хотела себе признаваться. Ей нужен был кто-то рядом, кто помог бы пережить очередной удар судьбы. И Ника, несмотря на всю кажущуюся разницу между ними, подходила для этой роли как нельзя лучше.

На Алю накатила вселенская усталость. Последнее лече-

ние мужа не дало ожидаемых результатов. Только сожрало все сбережения и часть долгов, да Рому измучило так, что тот уже с трудом передвигался по квартире. Но самое ужасное, что она не знала, как мужу об этом сообщить. Дурные новости прикончат его раньше болезни. А ведь в его случае решающую роль играют оптимизм и вера в лучшее, об этом твердили все доктора. Только где ее взять, эту веру, если у тебя агрессивная болезнь, которая пожирает тебя изнутри?

– Что ты сказала? – переспросила Ника, продолжая крутиться возле зеркала.

– Сказала: бери зеленое, тебе в нем хорошо, – чуть повысила голос Аля.

– Ну уж нет, куда ты только смотришь? Я в нем слишком бледная!

– Тогда красное.

– И куда я в нем буду ходить? К тому же мне теперь и ходить-то не с кем, – горестно вздохнула Ника, поворачиваясь вокруг собственной оси и тщетно пытаясь отыскать изъян в идеальной фигуре. – Хотя гороскоп друидов предсказывал мне на этой неделе судьбоносную встречу.

– Гороскоп друидов врать не может, – согласилась Аля. – Бери черное, если новая судьбоносная встреча будет как предыдущая.

Она не отрывала взгляд от телефона и пыталась сконцентрироваться на казенных фразах врачебного отчета, тщетно стараясь отыскать в них хотя бы проблеск надежды.

– Это ты на похороны намекаешь? – буркнула Ника, а Аля вздрогнула, неожиданно почувствовав, что пол очень холодный и она замерзла.

– Бери белое, чтобы дурные мысли не терзали твою красивую голову, – автоматически предложила она сестре.

– Белое только свадебное! – возмутилась Ника.

– Какие еще цвета у нас остались? – Аля наконец-то подняла измученный взгляд на сестру.

– Фиолетовое, светло-голубое и бордовое, – с энтузиазмом перечислила Ника.

– Бери все.

– Я их еще не мерила, – обиделась та.

– Пристрелите меня кто-нибудь, – закатила глаза Аля.

– Аль, – Ника, оторвавшись от своего отражения в зеркале, медленно подошла к побледневшей сестре, похожей на призрак самой себя, присела перед ней на корточки и заглянула прямо в глаза, – давай тебе что-нибудь купим, а? Я эту рубашку уже пятый год наблюдаю, а у твоих ботинок скоро подошва отвалится. Смотреть больно!

– Спасибо, у меня все есть, – отрезала Аля и поднялась, чтобы избежать дальнейших попыток залезть ей в душу. – Давай свое голубое или фиолетовое, какое там...

– Нет, я серьезно, я понимаю, что с деньгами сейчас не очень... – Сестра вцепилась ей в руку в попытке удержать.

– Ни хрена ты не понимаешь, Ника. Лечение Ромке не помогло, – отрезала Аля и уставилась на телефон, задрожав-

ший в руке. На экране отобразилось имя Пал Палыча, непосредственного Алиного начальника. Ника тоже это увидела.

– Это дядя Паша? – тут же наострила она уши.

– Он самый, – кивнула Аля и занесла палец, чтобы ответить на звонок.

– Не отвечай, сегодня вообще выходной! Нам нужно поговорить о РOME. Мы что-нибудь обязательно придумаем, ты только не волнуйся! – зачастила сестра. – Мамуся скоро вернется, у нее всегда есть идеи. А давай вообще забудем на этот шопинг и просто напьемся, а?

Ника не готова была так просто расстаться с идеей, что сегодня их девичник не удался. Как, впрочем, не удавался он и все предыдущие разы. Но Ника была упорна и не теряла надежды вернуть сестре хотя бы видимость нормальной жизни.

Аля лишь покачала головой, легкой полуулыбкой выражая Нике признательность. Пожалуй, работа сейчас будет лучшим лекарством. Первые эмоции улягутся, а потом они действительно что-нибудь придумают. Обязательно придумают. Она нажала на кнопку приема звонка.

– Аля, – трагическим голосом Павла Павловича Орлова сообщила трубка, – у нас убийство.

* * *

– Шульман?

– Он самый, – грустно подтвердил Пал Палыч племяннице, уже несколько минут созерцающей труп крупного промышленника, лежащий на полу собственной спальни. – Довел все-таки свою супружницу. Я тебе давно говорил, что добром эта вся свистопляска не закончится.

Родившийся в семье еврейских эмигрантов, Петер Шульман, отучившись на исторической родине и получив докторскую степень в одном из лучших университетов Америки, неожиданно решил вернуться на родину родителей. Немного поскитавшись по городам и весям, чтобы поднабраться житейской мудрости и почувствовать глубинный дух страны, которую решил покорить, он приехал в их город, где и начал свою звездную карьеру на посту финансового директора одного из заводов. Через пару лет, ожидаемо, он стал директором, а чуть позже и вовсе владельцем этого самого завода. Злые языки поговаривали, что Шульман так все провернул, что предыдущий владелец ничего и не заметил, пока у него на пороге не появилась прокуратура.

С тех пор карьера и благосостояние Петера рванули в гору с космической скоростью. Спустя десять лет Шульман был самым богатым человеком города, а то и области.

Маленький и удивительно некрасивый, Шульман женился на первой красавице края, вице-мисс страны, которая была его на голову выше. Но любви это не помешало, и через полгода после пышной свадьбы Катерина Шульман подарила супругу королевскую двойню – мальчика и девочку.

После рождения детей идеальный брак красавицы и чудовища дал трещину. Спустя год после родов супруга решила вернуться к модельной карьере, но встретила неожиданное сопротивление со стороны мужа, который на ней благодаря этой самой карьере и женился. В свое время Петеру необычайно льстило, что фотографиями его будущей супруги были украшены многие рекламные щиты в городе, что ее часто приглашали на фотосессии глянцевого издания и что она даже снялась в клипе у популярного певца. Ведь когда-то Шульман бросил все связи и возможности к ногам красавицы в попытках ее покорить: романтические выходные в Париже, шопинг в Милане, концерты в Нью-Йорке, лучшие курорты, машины, недвижимое имущество, косметология и безлимитная кредитная карточка – все было передано в цепкие ручки прекрасной Катерины, решившей, что она отыскивала ключи от рая. Вот только о том, что после рождения детей в ее жизни все изменится, новоиспеченную супругу Шульман предупредить забыл.

Едва покинув роддом, ошарашенная Катерина узнала от супруга, что летать на роскошные курорты она долгое время не сможет: «Ты же не потащишь маленьких детей в самолет, пусть даже частный!» Отдыхать на экзотических островах на другом краю света тоже представлялось теперь невозможным, как и регулярно посещать косметологов: «Они тебе всякую дрянь колют, а ты детей кормишь! Ну и что, что им уже год? Кормить будешь сколько потребуется».

Катерина оказалась не готова к такому повороту событий и, имея в анамнезе казачьи корни, однажды громко и решительно высказала протест подобному деспотизму. С того момента весь город с упоением наблюдал за семейным разборами Шульманов, проистекавшими в духе лучших итальянских драм.

Когда спустя два года после рождения близнецов Катерина против воли мужа все-таки улетела на несколько дней с подругами в Турцию, чтобы отдохнуть от невыносимой тяжести бытия, Петер собрал все ее вещи из последних коллекций известных брендов, дополнил их дизайнерскими туфлями и любимыми сумочками супруги, вывез все это богатство к центральному вокзалу, где обитали местные опустившиеся граждане, и предложил им не стесняться – выбирать все, что им понравится.

Срочно вернувшаяся из Турции Катерина немедленно направилась к вокзалу, где смогла лично полюбоваться на местную достопримечательность – бомжиху Маринку, щеголявшую в ее костюмах от «Шанель» и «Гуччи» и мочившуюся на мостовую возле вокзала прямо в них же.

Отколотив Марину как следует сумочкой от «Дольче и Габбан» («Я просто хотела привить ей хорошие манеры!»), Катерина взяла массивный гаечный ключ и оставила мужу эмоциональное послание, выцарапав его на вызывающе роскошном «Мерседесе». С чувством она вывела на идеальном серебристом боку любимой машины супруга: «Мудак с ма-

леньким членом», что Шульман, любивший машину больше собственной мамы, не смог просто так пережить. Да и надо сказать, послание Катерины показалось ему весьма обидным и задело за живое. Недолго думая, он разбил бейсбольной битой машину супруги. В ответ Катерина вызвала наряд полиции, который, узнав, о чем речь, никуда не поехал, сославшись на занятость, а вместо этого отправил стажера в ближайший супермаркет за чипсами и семечками.

Катерина, решив, что если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, лично явилась в полицию пылающей жар-птицей, чтобы закатить там феерический скандал, от которого содрогнулись стены отделения. Вслед за ней приехал муж на искалеченной машине и стал громко требовать, чтобы его супругу заключили под стражу на несколько суток за хулиганство и порчу имущества. Привлеченные стражи порядка протокол, конечно же, оформили и в качестве доказательства сфотографировали искалеченную машину с обидной надписью. Но происшествие показалось дружному коллективу забавным, пара полицейских поделились фото машины с друзьями и родственниками. К вечеру того ужасного дня весь город знал, что у Петера Шульмана маленький член.

Катерина, немного остыв, сообразила, что погорячилась и подобного унижения бывший пылко влюбленный супруг ей никогда не простит. Поэтому поспешила спрятаться вместе с детьми у матери, Альбины Николаевны, бывшей чемпион-

ки края, а ныне руководителя секции дзюдо. Находясь под защитой суровой мамы, Катерина периодически оставляла для супруга пылкие послания в соцсетях, а тот в отместку заказывал ей домой еду из дорогих ресторанов и блокировал карточку.

Месяц назад семейный конфликт Шульманов вышел на новый уровень. Петер, потосковав в одиночестве, сделал первый шаг и предложил супруге забыть былое. Вернуться и начать жизнь с чистого листа. Ведь все-таки у них дети, да и мамы волнуются. В качестве серьезности своих намерений он преподнес Катерине роскошный букет и кольцо с внушительным бриллиантом. Катерина, швырнув для порядка букет мужу в лицо, кольцо взяла и, оценив караты, повинилась, что, пожалуй, с машиной переборщила и вообще накалякала такую глупость со злости, не смогла стерпеть, когда увидела немытую Маринку в своей новенькой «Шанели». А так она ничего такого, конечно же, не думает и Петер у нее самый лучший. Во всех отношениях.

Супруги обнялись, поплакали, а затем бурно помирились. На следующий день, когда Катерина отчалила в спа-салон лечить нервы, Петер сменил все замки и строго-настрого запретил охране впускать супругу в дом. Когда прихорошившаяся Катерина вернулась в родные пенаты, на пороге ее встретил адвокат мужа с уже готовым решением суда о разводе и о том, что дети остаются жить с отцом. Ей их видеть запрещено.

Реакцию Катерины и ее угрозы убить супруга наблюдал в прямом эфире почти весь город. Экспрессивная модель не придумала ничего лучше, чем выйти в прямой эфир и выложить полумиллиону подписчиков все свои чувства и эмоции по поводу происходящего. На следующий день курьер привез Альбине Николаевне, к которой Катерина снова вернулась, иск о защите деловой чести и достоинства.

А теперь Аля созерцала труп Шульмана, лежащий на дорогом персидском ковре в луже крови. Когда любоваться на покойного ей надоело, она отошла в сторону, давая медэксперту заняться своей работой, и принялась оглядываться по сторонам. Конечно, на месте преступления ей находиться не полагалось, с недавнего времени она числилась в управлении лишь специалистом по связям с общественностью, но любимый дядюшка закрывал глаза на правила и, войдя в сложное положение племянницы, разрешал ей бывать там, где не следовало, с целью раздобыть эксклюзив, чтобы затем напечатать его в прессе за неплохой гонорар. Впрочем, такого масштаба преступление в его практике случилось в первый раз, ведь до этого громкими убийствами их город похвастаться не мог.

– Да тут просто палаццо Реале. – Аля заскользила взглядом по комнате, отмечая все детали обстановки роскошной спальни, где был обнаружен убитый промышленник. Мебель, разумеется, итальянская. Основательная кровать беле-сого дуба с причудливым резным изголовьем, изображаю-

щим картину из жизни римских богов. По бокам тумбочки ей под стать. Та, что справа, надо полагать, принадлежала отсутствующей жене – на ней ничего не было. Слева тумбочка самого Шульмана. На ней его недавнее фото с детишками в Диснейленде, на котором Шульман был даже похож на нормального человека: искренне улыбался в камеру с дурацкими мышинными ушами на голове. Рядом фотография массивной некрасивой женщины, которая, поджав губы, с неодобрением взирала на все происходящее. Семейное сходство прослеживалось без труда – на фото была мама усопшего. Казалось, она презрительно взирает на массивную пепельницу, в которой лежали толстые концы нескольких сигар. Рядом бокал с чем-то коричневым, наверняка самогон, выдающий себя за элитный виски. Смятое шелковое покрывало в крупных пионах небрежно валяется на полу с той стороны, где Шульман не спал. Видимо, аккуратным складыванием вещей промышленник себя не утруждал, залезал в кровать, просто скинув покрывало на пол. Или же оно упало туда в порыве страсти. Это еще предстояло выяснить, а пока Аля по привычке продолжила осмотр.

В комнате был эркер, из которого можно было выйти на балкон, чтобы полюбоваться на местную речку. Так как никому, кто пребывал в здравом уме, подобное и в голову не могло прийти, балконные двери были закрыты массивной решеткой. В самом же эркере стояли два неожиданно симпатичных кресла, обтянутые нежным голубым шелком. Между

ними небольшой журнальный столик с журналами, каталогами растений и книгами по художественным садам и ландшафтному дизайну. Возможно, этим увлекалась Катерина. Представить Шульмана, погруженного в проблемы цветочных композиций, было проблематично. Рядом с каталогами стояла массивная ваза, судя по наличию дракона на пузатом боку и пронзительно-кобальтовому цвету, что-то китайское.

Стены были отделаны тканевыми обоями – тонкая и дорогая работа – и увешаны картинами. Некоторые довольно неплохие, но насладиться ими мешала кричащая безвкусица по соседству, вроде портрета Шульмана в полный рост, одетого почему-то в стиле «короля-солнце», и стоящей рядом с ним Катерины в костюме мадам де Монтеспан («золотое золото на золотом»), которая едва доставала супругу до подбородка. Аля громко фыркнула при виде этого шедевра, но, поймав выразительный взгляд Пал Палыча, решила оставить свои впечатления при себе.

Огромная панель телевизора, под ней бар с обширными запасами алкоголя. Больше ничего интересного. Бра, обильно украшенные хрусталем, наверняка что-то антикварное. На потолке огромная монструозная люстра, напоминающая спрута, с бесконечным количеством рожков.

Беглого осмотра для Али было достаточно, чтобы сложилось впечатление – комнату оформлял дизайнер, который учел пожелания клиентов: «Все должны знать, что у нас много денег». Что сразу говорило о том, что покойный и его жена

к роскоши не привыкли и свалилась она на них не так давно. Поэтому собственный вкус и предпочтения выработать они просто не успели. Здесь все было про казаться, а не быть.

Аля подошла к двери эркера, ведущей на балкон, и уставилась на хитроумный замок, который невозможно было открыть снаружи. Надев перчатки (этому она была обучена с детства, когда проводила все время после школы в управлении, делая уроки в коридорах), она подергала решетку – та не поддавалась, приварена надежно. Аля пошатала прутья, но все они дружно устояли против ее провокации. Открыв замок, она вышла на балкон и уставилась на идеальный цветник, разбитый прямо под ним. Дождь лил как из ведра несколько часов, поэтому на четкие следы особо рассчитывать не приходилось, но если бы кто-то спрыгнул с балкона на цветник, то на нем бы все равно что-то осталось. По цветнику невозможно было пройти, не повредив дорогие хвойные растения, высаженные в идеальном порядке. Растения были не тронуты, а они, в отличие от людей, не врут. Значит, проникновение через террасу можно исключить. Аккуратно закрыв дверь, Аля вернулась в комнату и направилась к выходу из нее. Дверь, ведущая в коридор, тоже была снабжена хитроумным замком, который невозможно было открыть снаружи, если ключ торчал в двери изнутри.

– Я проверил, следов взлома нет, – страдальчески сообщил дядя Паша, за долгие годы работы в полиции так и не

привыкший к виду мертвецов и луж крови. Больше всего ему хотелось убраться из кошмарной комнаты на свежий воздух, а еще лучше уехать на рыбалку в одиночестве. Чтобы только он, немые рыбы и зудящие комары. Природу он всю жизнь любил гораздо больше людей. Но нельзя, надо было досидеть до пенсии, а преемницу он себе уже приготовил. Вон как смотрит и морщит лоб. Думает. А это не всем дано. Все ее затеи с уходом из следователей в пресс-службу – это просто дурь, влияние момента. Как только Рома поправится и все наладится – Аля вернется, в этом Пал Палыч был уверен. Она ведь создана для этой работы.

Тем временем Аля открыла одну из внутренних дверей спальни Шульмана, ведущую в личную ванную, и заглянула туда. Не обнаружив ничего интересного, кроме глухих стен и ванны, отделанной каррарским мрамором, она закрыла дверь и приоткрыла следующую, за которой скрывалась огромная гардеробная.

– Принесите лестницу, – попросила она спустя несколько мгновений, а Пал Палыч против собственной воли ругнулся – он же был в этой дурацкой гардеробной и ничего не заметил.

Тяжело ступая, он подошел к комнате, где Аля уже бесцеремонно отодвигала в сторону многочисленные пиджаки, рубашки и свитера тонкого кашемира, принадлежавшие покойному, продолжая осмотр.

– Что там, Орлик? – покрхтывая, Пал Палыч зашел, уста-

вился на потолок, куда указала Аля, и со второй попытки увидел: одна из панелей – выпуклых, резных, густо украшенных золотом и причудливым переплетением красных линий, – была чуть дальше от других. Буквально на пару миллиметров. Никогда не заметишь, если не знать, куда смотреть. Уж слишком сбивает с ног вызывающая роскошь отделки. Всех... кроме Али. Она сразу увидела.

Аля перевела взгляд на дядю, удостоверилась, что тот сам все понял, убедившись в том, что больше гардеробная не содержит в себе никаких сюрпризов, снова вышла в спальню и подошла к покойному. Встала над телом и глубоко вздохнула.

Шульман лежал на толстом персидском ковре, некогда белоснежном, а теперь покрытом бурыми пятнами крови. Он был абсолютно голым. Все еще открытые глаза Петера смотрели в потолок. Аля, проследив за его взглядом, уставилась на жирных амуров, изображенных не слишком талантливым художником в безуспешной попытке воссоздать интерьер римских патрициев. А также на зеркала, прикрепленные к потолку, которые отражали и множили амурские сущности и мертвое тело, вызывая оторопь.

– Наверное, очень грустно умирать, когда последнее, что ты видишь, – это голый Шульман, – констатировала она, снова переводя взгляд с амуров на покойного. Маленький, толстый, обрюзгший, покрытый толстым слоем густых курчавых волос, он считался большой удачей. Как только по го-

роду разнеслись слухи о том, что любовная лодка красавицы и чудовища дала трещину, на пороге у Шульмана тут же образовалась очередь из желающих попасть в любовницы к этому мерзкому субъекту. Впрочем, как говорила ее сестра, у Шульмана было одно очень весомое достоинство – счет в банке, который так ярко светил и переливался, что в его ослепительных лучах даже Петер Шульман мог сойти за привлекательного мужчину.

– Вряд ли ты станешь рассматривать себя в зеркале, когда тебе перерезают горло, – скорбно сообщил Пал Палыч, выходя из гардеробной и становясь ближе ко входу так, чтобы массивная кровать скрывала от него мертвеца. Насмотрелся уже. – Почему он до сих пор не прикрыт? – гаркнул он молчаливому молодому эксперту, поступившему на службу недавно и уже отошедшему от трупа и укладывающему свои колбы в специальный чемоданчик.

– Было бы что рассматривать, – хмыкнула Аля, замороженно глядя на огромный живот покойного, похожий на растаявшее желе и скрывавший полностью мужское достоинство. И не удержалась: – Проверим, насколько он маленький?

– Даже не вздумай, – нахмурился дядя Паша, – работать надо.

Он подхватил племянницу под руку и вывел в коридор, зыряка вокруг, чтобы удостовериться, что все лишние уши остались в комнате.

– Аля, даю тебе фору на час, скажем. До того как мои бойцы вызовут эту дуру, его супружницу, на официальный допрос. Езжай к ней, поговори, как ты умеешь. Может, что интересное расскажет. Сможешь этот, как его...

– Эксклюзив, – подсказала Аля.

– Да, эксклюзив накалякать. Но учти, если много денег за него не заплатят, я эту твою деятельность прекращу.

– Заплатят, – насупилась Аля. – Сам видел, как Вовка раскрутился.

– Да я не удивлюсь, если твой Вовка наркотой торгует или бордель подпольный организовал. Где это видано, чтобы журналисты столько зарабатывали? – пробурчал Пал Палыч.

– Ну вот заодно и узнаем, – через силу улыбнулась Аля.

– А ты чего такая смурная? – тут же почувствовал ее настроение дядька. – С Ромкой что?

– Без изменений, – после краткого колебания соврала Аля. Ей хотелось выговориться, но сейчас было не то время и не то место. Дядю она искренне любила, ведь он ей заменил отца в свое время. Ему и так с этим убийством сейчас придется несладко, зачем его еще Ромкиными проблемами нагружать? Все равно он ничего сделать не сможет.

– Это хорошо, что без изменений. – Пал Палыч не сводил цепкого взгляда с врущей племянницы. За годы работы в полиции он безошибочно научился распознавать ложь. – А тут что скажешь?

Ему всегда доставляло удовольствие слушать Алины вы-

воды. Она была его Галатеей. Это именно он не дал ее матери отправить Алю на биофак, к которому девчонка не имела никаких склонностей, настояв на юридическом. И Аля полностью оправдала все его надежды. Вот только в последнее время дурила и отказывалась от своего призвания в пользу денег.

– Покойный хорошо знал убийцу, – сразу же выдала она. – Он пригласил его или ее в свою спальню и позволил приблизиться к себе голому. Речь, с высокой долей вероятности, идет о женщине. В связях с парнями Шульман не замечен. Возможно, сегодня ночью его посетила одна из тех, что стаями роились возле него в последнее время. Начинать допросы нужно не с Катки, а с его секретарши, Эммы Яковлевны. Вот уж кто будет знать всех его поклонниц по именам и лицам.

– И зачем любовнице его убивать? – нахмурился Пал Палыч. – Он ей нужен живым, а не мертвым. А вот Катка публично обещала разделаться с муженьком.

– Это не она, – покачала головой Аля. – Во-первых, ее охрана на порог не пустила бы, а ключей от новых замков у нее нет. Во-вторых, не стала бы она горло перерезать.

– Катка твоя дура и истеричка, в состоянии аффекта что угодно могла сотворить, – поморщился Пал Палыч.

– А я тебе говорю, что не стала бы. Она бы платье испачкала, ты что, не понимаешь?

– Аргументы «Уровень – Бог», – закатил глаза началь-

ник. – Ты вообще в юридическом училась или к своей сестре на мастер-классы ходила, Алевтина?

– Я Катку с детства знаю, – вздохнула Аля, пропуская обидные дядины слова мимо ушей, – к тому же она ближайшая Никина подруга. А та ни за что свои наряды опасности подвергать не станет. Скорее отравит кого-нибудь или выбросит из окна. Вот и Катка дура, конечно, но платьями своими ни при каких обстоятельствах не пожертвует. Тем более непонятно, будет ли у нее возможность купить новые.

– Может, она у мамки своей спортивный костюм свистнула? – скривился Пал Палыч. – Ты иди и побеседуй о платьях. Про любовниц поспрашивай. И с Эммой этой, как ее там...

– Яковлевной.

– Да, Яковлевной. Тоже побеседуй. Действуй. Дело будет громким и нервным, а мне на пенсию скоро, сама знаешь.

– Дядя Паша, даже не начинай...

Их прервал грохот из гардеробной. Это сержант Серов и молодой стажер все-таки сумели открыть потолочную панель, замеченную Алей. Не говоря ни слова, Аля направилась в гардеробную и уставилась на складную лестницу, автоматически выехавшую из потолка и безмолвно приглашающую по ней взобраться.

– А Петя наш был еще тот затейник, – пробормотала Аля, становясь на первую ступеньку и начиная карабкаться. Невольно вспомнились сестра, ее вечное ворчание по поводу Алиной обуви и патологическое желание надеть на Алю

туфли на каблуках. Ну и как бы она сейчас тут лазила? С ее работой не быть ей прекрасной феей. Впрочем, об этом Аля ничуть не сожалела.

Взобравшись по лестнице, она очутилась на чердаке. Судя по площади помещения, чердак шел над всем домом и при желании вполне мог служить еще одним жилым этажом. В крыше были проделаны многочисленные чердачные окна, поэтому в дневное время дополнительное освещение здесь не требовалось.

Аля с любопытством огляделась. На чердаке дома покойного предпринимателя царил немецкий порядок вкупе с еврейской рачительностью. Казалось, Шульман никогда ничего не выбрасывал. Справа от Али стояли шкафы с виниловыми пластинками, чуть дальше точно такие же, но уже содержащие DVD. Кто в наше время хранит все это старье? Хотя, возможно, Шульман был меломаном и его записи уникальны? Тогда почему они на чердаке?

Аля начала медленный обход помещения, открывая встречающиеся на ее пути шкафы и заглядывая на полки. В шкафах оказалась одежда, судя по ее виду, принадлежавшая еще дедушке предпринимателя. В стройные ряды выстроились закрытые пластиковые коробки, заботливо сложенные одна на другую. Аля подошла к ним и, подняв крышку коробки, стоящей сверху, заглянула вовнутрь – там обнаружились разномастные зарядные устройства. Во второй коробке она нашла карты и путеводители по региону, в третьей – га-

зеты и журналы, где были опубликованы интервью с Шульманом. Странно, что такой выпендрожник не развесил их в позолоченных рамках по всему дому. Оставив коробки полицейским, которые официально будут заниматься расследованием, Аля преодолела чердачное пространство и устояла на отверстие в полу на противоположном конце чердака. Из него раскладная лестница вела вниз.

Аля немедленно спустилась по ней и оказалась в библиотеке, уставленной шкафами с книгами. Аля сомневалась, что Петер Шульман был таким страстным книголюбом, что проделал потайной вход из спальни в библиотеку, чтобы перед сном почитать томик Шопенгауэра. Совершенно очевидно, что такая сложная схема была нужна ему для других целей.

Аля огляделась по сторонам, а затем начала подходить по очереди к каждому из шкафов и дергать полки, попутно простукивая боковые стенки. Удача улыбнулась ей почти в самом конце. От стука и нажима одна из боковых панелей книжного шкафа автоматически отъехала в сторону, открывая винтовую лестницу, ведущую вниз. Аля с трудом сдержала триумфальный возглас. Никого не дожидаясь, она спустилась по лестнице и оказалась на речном пирсе. Здесь Шульман держал небольшую яхту. Именно этим фактом так любила прихвастнуть Катька в начале своего романа с предпринимателем.

В данный момент яхты на пирсе не было, и это заставило Алю задуматься. Раньше Шульман использовал ее для лени-

вых прогулок выходного дня. Вместе с женой и детьми он доплывал до яхт-клуба, а затем возвращался обратно. У него были права на вождение яхты, и он сам себе очень нравился в капитанской форме. Яхта всегда была пришвартована у домашнего пирса как символ удавшейся жизни промышленника. А теперь ее тут не было. Версии напрашивались сами собой: яхта могла быть на ремонте. Или же по какой-то причине Шульман отогнал ее в единственный в городе яхт-клуб, а домой вернулся на машине. Или же... Или на яхте уплыл убийца. Что гипотетически немного сужало круг подозреваемых. Кто в их городе умел водить яхту? Никто. Кроме парочки отставных капитанов, работавших когда-то на барже, да самого Шульмана.

Назад Аля вернулась тем же путем, через чердак, внимательно осматривая ковровое покрытие на предмет следов. Ничего не обнаружив, она кратко отрапортовала начальству о своей находке, после чего Пал Палыч дал Серову задание заняться поисками яхты предпринимателя, а также побеседовать с охраной и снять записи со всех камер наблюдения. Аля же решила начать с разговора со вдовой.

Когда она переходила на работу в пресс-службу, она убивала двух зайцев. У нее появилось больше свободного времени, которое она проводила рядом с мужем. И она рассчитывала всерьез заняться журналистскими расследованиями и заработать на этом денег на лечение Ромы. Зная подноготную всех сильных их небольшого мирка, Аля, конечно же,

могла бы заняться прямым шантажом и заработать на нем куда больше, чем на гипотетических статьях. Но была тонкая грань, которую она переступить не решалась. Выросшая в управлении, куда прибегала каждый день после уроков, она хоть и стала взрослой и циничной, но от каких-то глупых идеалов и иллюзий так и не избавилась. Преступник должен быть наказан. Чего бы это ни стоило.

Алю совсем не печалила смерть Шульмана, скорее наоборот. У нее были все возможности раскрыть убийство и продать эксклюзивный материал ведущим изданиям, каналам или блогерам (ей было не принципиально, кто больше заплатит). А еще она радовалась возможности поверить в существование кармы. Ведь какой бы истеричной дурой ни была Катерина, близнецов она любила. А мужики, играющиеся детьми ради мести матери, Але никогда не нравились.

– Я к вдове, – кратко сообщила она Пал Палычу, направляясь к выходу.

Она спустилась по ступенькам, оказавшись в просторном вестибюле, где хмурый охранник все еще успокаивал уборщицу, обнаружившую тело Шульмана сегодня утром. Ничего интересного та сообщить не могла, с ней уже беседовали. Пришла утром, убиралась, как и обычно, и тут такое!

– Петер Самуилович меня вчера отпустил, – бубнил охранник уборщице. – Я утром пришел, как договаривались, к нему не поднимался, чтобы не беспокоить, пошел к себе в подсобку.

– И часто он вас так отпускал? – поинтересовалась Аля, подходя к парочке.

– Ну бывало, а чего? – пожал плечами охранник. – Места у нас тихие. Может, он хотел остаться в одиночестве. Девушка эта его шибко стеснительная, может, при нас не могла.

– Какая девушка? – заинтересовалась Аля. – Новое увлечение?

Охранник кивнул и словно застеснялся.

– Местная? – подтолкнула его Аля.

– Нет вроде, я ее никогда у нас не видел, – он покачал головой. – Имя у нее еще чудное какое-то, не наше. Все время забываю.

– И она здесь, в доме? – оживилась Аля. Появление нового персонажа в истории ее сразу же заинтересовало.

– Ну да. Она у нас поселилась где-то с месяц назад.

– В конце января шеф мне сказал приготовить гостевую, – продолжая всхлипывать, дополнила уборщица.

– Гостевую? – удивилась Аля.

– Ага, – кивнул охранник. – Она, ну не из таких, короче...

– Да не спали они вместе! – снова всхлипнула уборщица, устав от иносказаний охранника.

– И где же наша «не такая» девушка с чудным именем теперь? – всерьез заинтересовалась Аля.

Это уже становилось интереснее. Значит, Шульман завел любовницу, и отношения перешли в серьезные, раз он поселил ее у себя в доме. Видимо, на прошлую ночь у него бы-

ли большие планы, поэтому он отпустил охрану. А теперь девушка исчезла. Или виновата, или что-то видела. Или же сама пострадала.

– А пес ее знает, – почесал в затылке охранник. Краснолицый, здоровый, страдающий избыточным весом, с таким же успехом Шульман мог посадить на дверях медведя. Впрочем, от последнего толку было бы больше. – Вчера тут была, я ее утром видел. Она вообще тихая такая, никуда не выходила из своей комнаты. Разве что в библиотеку спускалась книжки взять.

– А как же магазины, рестораны, салоны красоты? – усмехнувшись, поинтересовалась Аля.

– Да не ходила она в них, – пожал плечами охранник. – Говорю же, чудная.

– А что нам говорят камеры наблюдения?

Охранник развел руками:

– Вы видели, что ночью творилось? Молния попала в один из столбов электрических, и все камеры сгорели к чертям собачьим. Я уже позвонил в контору, что ими занимается, говорят, что восстановлению не подлежит, надо все заново устанавливать.

– Это черти его в ад утащили! Прости Господи душу грешную, – эмоционально воскликнула уборщица и принялась мелко креститься.

– А что у вас с соседями? Мог кто-нибудь что-нибудь видеть или слышать?

– Да какие соседи? Тут на пару километров лес, соседские дома ближе к городу, по дороге. Но тоже все в лесу стоят. Тут заживо будут резать – никто не услышит.

Немного поразмыслив, что от обоих сейчас вряд ли большего добьешься, Аля толкнула входную дверь, вышла во внутренний двор, оформленный в том же китчевом стиле, что и дом, где даже имелся фонтан в виде писающего мальчика, который в честь затянувшегося зимнего сезона сдерживал свои порывы. Поежившись от холода и сырости, она пересекла пространство, наполненное грязным тающим снегом, поверх которого растекались дождевые лужи. Температура и погода на улице были премерзкими – чуть выше нуля. И дождь идет, и снег не тает. Аля почувствовала, что продрогла, старый пуховик совсем перестал греть. Она поспешила выйти за ворота, чтобы побыстрее нырнуть в машину, но была вынуждена остановиться, уставившись на дорожную иномарку, заблокировавшую выезд ее развалюхе.

Прислонившись к капоту иномарки, стоял мужчина, ее ровесник, дорого и стильно одетый. Светлые волосы, холеная бородка, модная стрижка, холодные серые глаза, прикрытые от мира очками в стильной оправе. Не по погоде тонкая кожаная куртка нараспашку, под ней голубой, в тон глаз, тонкий джемпер. Мужчина скрестил руки на груди и с интересом наблюдал за приближающейся Алей.

Та при его виде открыла сумку, перекинутую через плечо наподобие почтальонской, и принялась что-то в ней искать

с озабоченным видом.

– Что ищешь? – поинтересовался мужчина глубоким бархатистым голосом.

– Распятие и святую воду. Ничем другим, похоже, от тебя не избавиться.

– Обожаю твоё чувство юмора, – усмехнулся мужчина.

– А я ненавижу твою привычку появляться не к месту и не ко времени. Машину разблокирую.

Аля протиснулась мимо холеного красавца и подошла к своей машине. Открыв ее, выразительно уставилась на мужчину.

– Это правда, что Шульмана убили? – светски поинтересовался тот.

– Без комментариев.

– Аль, да брось ты, всё равно к вечеру все будут знать, – поморщился её собеседник.

– Ну так и ты узнаешь. Отгони тачку, мне надо работать, в отличие от тебя, – она скользнула на сиденье, но дверь не успела закрыться. Мужчина оказался рядом на удивление быстро и ухватился за дверцу, не давая Але отгородиться от него и внешнего мира.

– Ты, говорят, решила конкуренцию мне составить? – наклонившись к Але, поинтересовался красавец с тонкой улыбкой. Казалось, всё происходящее его очень забавляло.

– А ты боишься? – с вызовом поинтересовалась Аля.

– Боюсь, – честно признался тот.

– Правильно делаешь, – одобрила Аля и завела двигатель, но мужчина продолжал цепко держаться за водительскую дверь.

– Аль, ну что мне еще сделать, чтоб ты меня простила? Честное слово, я правда хотел как лучше.

– Молодец, возьми с полки пирожок, – скривилась та, держа дверь в тщетной попытке избавиться от назойливого собеседника.

– Зачем ты так, Аля? Послушай...

– Я тебя слышала, Козлов, а вот ты меня нет. Отгони тачку, – разозлившись, рывкнула Аля.

– Орлик...

– Я тебе не Орлик, а Орлова Алевтина Сергеевна.

Владимир Козлов открыл рот, чтобы продолжить спор, но внезапно осознал, что это бесполезно. С Алей они когда-то учились в одном классе и дружили всю сознательную жизнь. Он даже был свидетелем на их с Ромой свадьбе.

Не счесть, сколько раз он ночевал на старом диванчике в их квартире, переживая очередную любовную драму. Совместные шашлыки, дни рождения, празднования Нового года, поездки на дачу к маме Али. Они жили большой и дружной компанией.

Все изменили болезнь Романа и статья, которую журналист Владимир Козлов опубликовал в столичном издании и которая наделала много шума. По результатам к ним тогда приезжали разбираться из самой столицы, потому что нор-

мы охраны труда на предприятии, где работал Роман, категорически не соблюдались. Устраиваясь туда на работу, люди отправлялись практически на верную смерть. Процент раковых больных в городе давно превысил все разумные значения. В речке, куда сливало свои отходы предприятие, перевелась вся рыба, а выбросы в атмосферу грубо нарушали всевозможные нормы.

Случился большой переполох. Собственник предприятия, живущий где-то в Испании, показательно уволил все руководство, клятвенно пообещав со всем разобраться, а затем и вовсе поспешно продал проблемный актив. Новый владелец, Виктор Серябко, приехавший из другого региона, установил на трубах предприятия фильтры, которые уменьшили количество выбросов и прекратили загрязнять единственную городскую реку. Конечно, все еще было далеко до идеала и ни один здравомыслящий гражданин не рискнул бы искупаться в местном водоеме или подышать над трубой предприятия без риска немедленно умереть мучительной смертью, но цифры немного улучшились, что на время успокоило народные массы.

Серябко даже пообещал Але с Романом лично заняться их вопросом. Казалось бы, такое вмешательство в ход вещей Володи Козлова пошло всем на пользу, но только Аля его жест не оценила. Потому что до выхода статьи Роман не знал о своем диагнозе.

Аля поделилась страшными новостями с лучшим другом,

выйдя от врача Романа, позвонившего ей рано утром и пригласившего на беседу (врач, естественно, числился среди маминых поклонников, поэтому о результатах анализов решил сообщить вначале Але, а не самому пациенту). Хлебнув лишнего и не зная, как ей с этим жить и что делать дальше, Аля поделилась с Вовкой, а тот решил проявить инициативу и всем помочь.

С того времени Аля отказывалась с ним разговаривать, хотя раньше не проходило ни дня без общения. Аля периодически запускала через Володю, известного своими острыми журналистскими расследованиями, нужную ей информацию, а он своевременно снабжал ее всеми слухами, циркулирующими в городе. Поэтому она всегда была в курсе происходящего, а если не была, то Володя легко мог все для нее узнать. Мог. Больше у него такой возможности не будет. Зная принципиальную Алю, Володя был в этом уверен. Его единственной надеждой на восстановление прежних отношений был Роман. Если бы его удалось вылечить, Аля наверняка бы смягчилась.

Окинув тоскливым взглядом давнюю подругу, Владимир отпустил дверь, затем вернулся в машину – новенький джип – и отъехал в сторону. Аля же нажала на педаль газа и, выпустив и в без того загаженную атмосферу черное облако, направила дребезжащую колымагу в сторону старого центра, где проживала мать Катерины Шульман, у которой временно гостила дочь.

– А завещание эта сволочь оставила? – Катерина просияла от радости, когда Аля сообщила ей о смерти бывшего мужа.

– Не в курсе, я о другом пришла поговорить, – хмыкнула Аля, заходя в роскошную трехкомнатную квартиру, которую Катерина выторговала у скупого Шульмана в период его первой горячей влюбленности. Квартира была куплена у одинокого ювелира, большого любителя антиквариата, продавшего Шульману жилье со всем содержимым с уговором, что до конца дней ему обеспечат достойный уход.

Катерина слово сдержала (обижать детей и стариков – грех смертельный!), и последние дни своей долгой и насыщенной событиями жизни ювелир провел, вспоминая боевое прошлое в обществе красивой девушки, приезжавшей к нему два раза в день и готовой выполнять все его прихоти и капризы.

После смерти старичка, которому Катерина закатала масштабные похороны и даже всплакнула, когда гроб красного дерева скрылся под землей, в квартиру въехала ее мать, Альбина Николаевна, которая лучше всех охранных агентств могла обеспечить сохранность уникального фонда.

На антресолях у антиквара, рачительно припрятанные («Катюша, умоляю, после моей смерти загляни на антресоли и позови музейных работников, чтобы все оформили как

надо. Это мой тебе небольшой подарок на добрую память!»), обнаружили и вовсе уникальные вещи, превзошедшие по стоимости квартиру в несколько раз.

Катерина к неожиданно свалившемуся на голову наследству отнеслась обстоятельно – мужу про него ничего не сказала, обеспечила всем полотнам нужные условия, а ее мама цепко следила за сохранностью золотого запаса. Альбину Николаевну Семенову, главного тренера города по дзюдо, знала и уважала вся местная шпана, в большинстве своем прошедшая через ее школу. Альбина в городе была фигурой неприкосновенной.

– Орлик, выпьем? Надо это дело отпраздновать, – Катерина, тряхнув роскошной гривой, поплыла в комнату, приглашая Алю следовать за ней.

– Погоди пить, Кать, поговорить надо на трезвую голову, – аккуратно сняв массивные ботинки, выглядевшие неуместно в огромной прихожей, с пола до потолка увешанной картинами, Аля стыдливо задвинула их в угол, чтобы не запачкать золотистый паркет елочкой, который выглядел настолько ухоженным, словно его каждый день надраивали специально обученные люди.

– А что тут говорить-то? Помер Максим, ну и хрен с ним! – радостно взвизгнула Катерина, и до Али донесся характерный звон, знаменующий встречу бутылки и бокала.

– А где дети? – поинтересовалась она, проходя в гостиную.

– В Британии с нянькой, которая по-русски ни бэ ни мэ.

Этот поц все тянулся к аристократам, даже мамаше своей внуков не доверил. Ты, говорит, своим акцентом им английский испортишь. Какой был скандал, ты не представляешь! Я думала, маманя его в капусту или в эту свою гефилте фиш порубит и веточку укропа сверху положит для красоты, – расхохоталась Катерина, прислоняясь к массивному бару, стоящему в углу гостиной, с трудом освещаемой тусклым дневным светом.

Был всего час дня, а за окнами уже сгущались сумерки. Аля щелкнула выключателем, и огромная монструозная люстра, которая уместнее смотрелась бы где-нибудь во дворце, вспыхнула гранями хрусталя, словно праздничный фейерверк.

Еще раз щедро плеснув себе в бокал из пузатой бутылки и вопросительно глянув на Алю, в ответ лишь покачавшую головой, Катерина, словно парусный фрегат, поплыла к мягкому креслу, стоящему в дальнем углу гостиной. Аля невольно залюбовалась – Катерина была совершенна. Смоляные волосы, белая кожа, голубые глаза. Только вот лицо ее сегодня отличалось от обычного, стало как-то круглее, полнее и немного расплылось. Что-то изменилось.

Катерина плюхнулась в кресло, сделала долгий глоток из пузатого бокала и, слегка поморщившись, снова счастливо рассмеялась.

– Садись, Орлик, и рассказывай, – она сделала широкий жест в сторону стоящего посреди гостиной полосатого дива-

на, чьи яркие желтые полосы заменяли собою солнце в сумрачной комнате.

Аля воспользовалась приглашением, присела на краешек и уставилась в шальные Катькины глаза.

– Это ты давай рассказывай. Где была сегодня ночью? – Она перешла сразу к делу, не давая Катерине времени на размышления.

– В смысле, где я была? – удивилась та, делая большой глоток. – Тут была, с мамой. А ты почему спрашиваешь?

Вместо ответа Аля тяжело вздохнула, а Катерина попыталась наморщить идеальный лобик, но ей это не удалось.

– Ты что, меня подозреваешь? – и, сделав еще один глоток, снова рассмеялась, пораженная до глубины души нелепостью идеи. Длинные замысловатые серьги, почти достававшие Катерине до плеч, зазвенели в такт ее хрустальному смеху, а Аля невольно позавидовала. Одета Катерина была в легкое зеленое платье на тонких бретельках, открывающее идеальную шею и не менее идеальную грудь. Хоть сейчас на обложку журнала. Со способностью так выглядеть дома надо родиться.

– Кать, я, – Аля выделила это «я», внимательно наблюдая за реакцией Катерины, – тебя ни в чем не подозреваю. Мало того, я уверена, что ты не стала бы Петеру горло перерезать.

Бокал вывалился из рук Катерины, и на тонком вишневом ковре, призванном защитить золотистый паркет от бед и ненастий, немедленно расплылось пятно. В комнате отчет-

ливо запахло крепким спиртным.

– Ему что, перерезали горло? – Глаза Катерины расширились, попирая все законы природы, и, казалось, заняли все лицо. Она автоматически поднесла руку к собственному тонкому горлу, словно закрывая его от неизвестного злоумышленника. – О боже, зачем ты мне это сказала? Ты же знаешь, что я ненавижу кровь, я сразу в обморок падаю от одного вида! Тебе же Ника рассказывала, как ходила со мной кровь сдавать, когда я близнецов ждала? Нас тогда обеих чуть не выгнали, у меня прям истерика натуральная началась, когда я эту иглу увидела. И там еще медсестра была такая со зверской рожей, такой только детей пугать... О боже, и как я теперь с этим буду жить?

– Зависит от тебя, Катя, – с нажимом ответила Аля. – Ты уверена, что мама подтвердит, что ты была дома?

– Подтвердит, конечно! Я... в общем, у меня, конечно, все свое и натуральное, сама знаешь, никаких операций, ничего, но ты ж понимаешь, мне надо как-то жизнь устраивать. А с этим дебилом я в постоянном стрессе и совсем не в ресурсе, даже в спа нормально не сходишь, эта сволочь мне все карты заблокировала.

– Давай покороче. Что ты сделала с лицом, где и когда? – усмехнулась Аля, осознавая, что необычный вид Катерины – это результат косметических манипуляций.

– Да вчера в новом салоне на Пушкина. Кольнула себе немного ботокса, гиалуронки, ну еще по мелочам, а эта дура

косорукая что-то не то сделала, и меня раздуло, как китайского пчеловода. – Катя сделала попытку заплакать, но ей не удалось, лицо застыло одутловатой маской. – В общем, мамик гоняла в аптеку круглосуточную, которая возле вокзала, знаешь? И покупала мне там разные штуки на компрессы. Мы с ней вместе звонили почти всю ночь идиотке этой, косметологу, и фотки слали, чтобы говорила, спадает оттек или нет. Вот, я тебе сейчас покажу!

Катерина схватила телефон, лихорадочно принялась что-то листать в нем, а затем сунула под нос Але. Та уставилась на переписку в одном из мессенджеров, содержащую сотню фотографий, перемежающихся с экспрессивными вопросами, выражениями, ненормативной лексикой и краткими ответами косметолога. На всех фото Катя была запечатлена на фоне полосатого дивана. В углу стояло время, когда было отправлено фото. По всему выходило, что этой ночью Катерина была слишком занята, чтобы перерезать горло бывшему мужу.

– Ясно. Пришлешь мне скрины этого шедевра. А теперь сконцентрируйся и подумай – кто настолько ненавидел твоего мужа, что мог его убить?

– Все, кроме его маменьки, – попыталась фыркнуть Катерина, но у нее вырвался какой-то жалкий писк. – Хотя мне казалось, что иногда и она жалеет, что не придушила его в детстве.

– А если подумать?

– Да откуда же я знаю? – передернула мраморными плечами Катерина. – Он столько людей обманул и подставил, что черти, наверное, празднуют его приход! Да каждый второй готов был его прибить. Но вот так, чтобы перерезать горло, даже не знаю. Вроде как психов вокруг не наблюдалось. Ну, кроме него самого. Он же вообще больной на всю голову... Был.

– А по прежнему месту жительства у него проблем не наблюдалось? Никогда ничего не упоминал?

– Не-а. Он же где-то в лесах жил, в Карпатах вроде, не помню точно. Ничего такого. Он тогда еще молодой был, так не гадил людям. Да и смысл столько ждать? Прихлопнули б его раньше. – Катерина выглядела искренне удивленной тем, что ей приходится пояснять Але такие очевидные вещи. Та была с ней согласна, но сделала мысленную пометку проверить прошлую жизнь Шульмана.

– А что у него с подружками в последнее время? – закинула удочку Аля.

– По-одружками? – нараспев повторила Катерина, тщетно пытаясь улыбнуться, хотя ее выразительный взгляд полностью отразил все, что она думала об Алином вопросе. – Это ты про этих шалав?

– Кать, я понимаю, что ты мисс Совершенство и лучше тебя нет, но давай ближе к делу, – устало вздохнула Аля.

– Разве мог у него быть кто-то нормальный после меня? – продолжала пыхтеть Катерина, Аля с готовностью кивнула:

– Конечно, нет, но кто-нибудь недостойный рядом наблюдался?

– Какая-то шалава неместная, он ее из столицы привез, – спустя несколько мгновений молчания неохотно признала Катерина. – Больше нигде подходящих не нашлось для такого сокровища. Наверняка в этой его синагоге ему подыскали, я ведь для них всегда была чужой. Знаешь, как меня его мамаша называла? Гойка! Карга старая, на себя бы посмотрела. Черт, я же забыла, что мне алкоголь нельзя, еще больше разнесет, почему ты меня не остановила? – всплеснула руками Катерина, доканчивая бокал одним махом.

Не отвечая на риторический вопрос, Аля поднялась.

– Как эту девушку зовут, знаешь?

– Еще чего, всякой швалью интересоваться, – царственно бросила Катерина и откинула длинные тяжелые волосы за плечо, снова являя миру мраморную шею и совершенную грудь.

– А где сейчас Альбина Николаевна?

– На работе, где ж еще, – удивилась Катя. В отличие от дочери, не проработавшей ни дня, ее мать пахала с утра до вечера, забывая про выходные и праздники.

– Точно. Я к ней загляну. И последний вопрос: ты знаешь, где ваша яхта?

– Яхта? Не знаю и знать не хочу. Надеюсь, это корыто утонуло. Меня на ней всегда укачивало, – надула и без того надутые губы Катерина, и Аля задалась вопросом, что случит-

ся, если они лопнут? Вылетит ли оттуда вкачанная жидкость или же вывалится инородное тело, заставляющее их шевелиться?

Она направилась к выходу, чувствуя вселенскую усталость. Впрочем, это было объяснимо – часы показывали послеобеденное время, а у нее во рту, кроме двух чашек кофе, ничего еще не было, к тому же ночью ей удалось поспать всего четыре часа.

Катерина проплыла вслед за ней в прихожую и окинула ее критическим взглядом:

– А ты похудела, Орлик, – и понизив голос, зашептала заговорщицки: – Тоже на оземпике?

Аля порадовалась тому, что наклонилась над ботинками и Катерина не может видеть ее лица. Пожалуй, впервые в жизни ей хотелось поменяться с ней местами. Чтобы ее тоже в жизни беспокоили только мифические лишние килограммы и раздутое после уколов лицо.

– Так, а что там с завещанием? – встрепелась Катерина. – Надеюсь, он никакой шалаве ничего не отписал? У нас же дети!

– Не знаю, не видела. Скоро все узнаем. Давай сдувайся, – не удержалась Аля от шпильки и, распрямившись и подмигнув Катерине, взялась за ручку входной двери.

– Хорошо умничать, когда в арсенале только крем «Ромашка», – холодно обронила Катерина, а Аля сделала мысленную пометку поговорить с сестрой.

– Мою красоту даже «Ромашкой» не испортишь, – криво усмехнулась она и с удовольствием закрыла за собой дверь.

Дальше путь ее лежал в спортивный центр «Строитель», расположенный на улице Железнодорожной. Построенный еще в семидесятые годы, не так давно центр обрел второе дыхание и предлагал своим посетителям, помимо многочисленных спортивных детских кружков, весьма приличные теннисные корты, баскетбольную площадку, бассейн, сауны и огромный спортзал. Именно его облюбовали самые красивые девушки города, среди которых числилась и ее сестра, потому что в «Строитель» часто заглядывали сильные их маленького мирка и можно было свести неплохие знакомства. Наверное, там Ника и познакомилась со своим незадачливым ухажером. И там же обучала детишек дзюдо и Альбина Николаевна. Моложавая, подтянутая, в извечном спортивном костюме и со свистком на груди.

Визит к матери Катерины получился коротким и продуктивным. Она смогла выделить Але время между двумя тренировками и, несмотря на то что ей приходилось постоянно отвлекаться на уходящих и прибывающих учеников, подтвердила, что эта дурында, ее дочь, сделала очередную глупость, а мать, как всегда, расхлебывала последствия. Она предъявила Але чеки из аптеки с препаратами, которые она покупала для глупой дочери около полуночи – времени, когда ориентировочно был убит Шульман. Альбина Николаевна заверила, что вся поездка туда-назад за лекарством заня-

ла у нее пятнадцать минут, и посоветовала проверить камеры возле аптеки, там все это видно. За это время Катерина не могла никого убить, даже если бы очень захотела. Так что Але лучше сосредоточиться на других версиях.

Аля посчитала информацию достаточной и решила временно отложить версию со вдовой, тем более она все равно считала ее бесперспективной.

– Орлик, а когда похороны-то? – окликнула ее Альбина Николаевна, когда Аля уже направлялась к выходу из «Строителя».

– Не знаю, когда дело раскроют, скорее всего, – пожала плечами Аля. – А что, хотите плюнуть на его могилу?

– Тебе бы все шутки шутить, – нахмурилась Альбина Николаевна. – Приду и венок принесу. Надо будет проводить по-человечески, не чужой все-таки.

Аля не нашла, что на это сказать, лишь кивнула и, подаваясь на шантаж ноющего от голода живота, решила навестись в местный буфет.

Перехватив там нажористый пирожок с печенью, Аля посчитала, что это вполне можно считать полноценным обедом. Жуя на ходу, она решила пройтись пешком до офиса Шульмана, располагавшегося в пятнадцати минутах ходьбы от «Строителя». Следующим пунктом ее программы была Эмма Яковлевна, верный секретарь Шульмана, которая отвечала за всю его жизнедеятельность. Аля попыталась вспомнить все, что знала о секретаре самого богатого чело-

века города.

Эмма Яковлевна по фамилии Боцман выполняла функции матери Шульмана, которая предпочла остаться на Земле обетованной. Секретарь занималась абсолютно всем. Начиная с приема лекарств и походов к врачу, заканчивая распорядком дня босса, поздравлением важных лиц с днями рождения и подарками любовницам. Сама Эмма Яковлевна могла бы сделать блестящую карьеру – будучи выпускницей университета иностранных языков и высококвалифицированным переводчиком, она почему-то решила не оставаться в области, а вернулась в родной город вместе с Шульманом и сразу стала его правой рукой. Возможно, знакомству как-то поспособствовала религиозная община, к которой оба принадлежали.

Боцман обожала шефа со всей страстью не реализовавшейся матери и готова была перегрызть за босса горло. В чем в чем, а в выборе секретаря Шульман не ошибся.

– Последняя? – подняла безупречные брови идеальная Эмма Яковлевна, которая, несмотря на смерть шефа, находилась на рабочем месте, как обычно, стильно одетая и причесанная, занятая последним, что она могла для него сделать, – организацией религиозных похорон, как только тело вернут семье.

Высокая, худая, она обладала яркой и броской красотой, которой, в отличие от бывшей жены босса, не уделяла слишком много времени. Несмотря на возраст (в прошлом году

Эмма отпраздновала пятидесятилетие), выглядела она молодо и создавала впечатление человека, готового в любой момент вскочить с места и куда-то бежать.

– А что, есть предыдущие, о которых стоит вспомнить? – Аля сидела за столом напротив Эммы Яковлевны и по привычке внимательно наблюдала за собеседницей. О том, что несколько часов назад привычный, уютный и сытый мир Эммы Яковлевны рухнул окончательно и бесповоротно, свидетельствовала лишь прядь волос, выбившаяся из ее прически.

– Петер Самуилович был верен своей жене, – поджала губы Эмма Яковлевна, – в отличие от поведения этой... особы, его поступки по отношению к ней были безупречны.

Аля вздохнула – секретарша была предана шефу как собака. И с этим надо было что-то делать.

– Эмма Яковлевна, я понимаю ваше желание создать ангельский образ покойного, но искренне советую вам не распыляться зря. Я в курсе, кто такой Петер Шульман, и прекрасно осведомлена о перипетиях его бурной личной жизни. Если вы хотите, чтобы убийца вашего драгоценного шефа был найден, вы должны рассказать мне всю правду, как равнину на исповеди. Договорились?

– Я так полагаю, что информацию о Петере Самуиловиче передавала вам ваша сестра, подруга этой... – Интеллигентная Эмма не смогла подобрать особо емкое слово, чтобы обозначить свое отношение к бывшей жене шефа.

– Моя сестра не имеет никакого отношения к моей рабо-

те, – снова вздохнула Аля. – И если вы в курсе всех городских сплетен, то должны знать о моей репутации.

Об Алиной репутации Эмма Яковлевна наверняка была наслышана, но просто так сдаваться не была намерена.

– До меня доходили новости, что вы больше не работаете следователем. – Чуть нахмурившись, она продолжала буравить Алю взглядом. Та на мгновение задумалась – скажет правду, и ей укажут на дверь. Соврет, и что?.. «Что» никак не придумывалось, но попусту врать Аля не любила, поэтому выбрала компромисс:

– И как бы я узнала об убийстве вашего шефа? – ответила она вопросом на вопрос.

– Вам коллеги могли по старой дружбе сообщить, – приподняла бровь Эмма Яковлевна.

– И зачем бы они мне об этом сообщали? – усмехнулась Аля.

– Для того чтобы вы могли проинформировать общественность, – поджала губы секретарь.

– Общественность я и так проинформирую, а следствием мне для чего заниматься? – Аля решила пойти ва-банк, упо-вая на то, что секретарь Шульмана ничего не знает о ее планах заняться журналистскими расследованиями.

Эмма Яковлевна, немного поразмыслив, не смогла найти достойный аргумент. Кивнув, она принялась рассказывать:

– Ее зовут Рива. Хорошая девочка, в отличие от... извините. Ее подобрала специальная сваха, у нас так принято.

Девочка чистая, невинная, если вы понимаете, о чем я. Да, она жила в доме у Петера Самуиловича, но в отдельной комнате. Она любила его, чтобы вы там себе ни думали. И хотела лучше изучить свою роль будущей хозяйки большого дома, перед тем как стать женой.

– А где же наша невинная Рива сейчас? – устало поинтересовалась Аля – одного пирожка оказалось явно недостаточно для такого насыщенного событиями дня. Помимо воли она покосилась на вазочку с печеньем, стоящую возле дорогой кофемашины в кабинете Эммы Яковлевны. От той не ускользнул взгляд Али. Она тут же спохватилась, вскочила с удобного кресла и поспешила к машине.

– Извините, я сегодня не в себе, как вы понимаете. Хотите кофе? – любезно предложила она.

– А можно просто печенья? Я сегодня не обедала. – Есть хотелось ужасно, и Аля решила не миндальничать.

– Конечно-конечно, а давайте я попрошу принести вам что-нибудь из нашей столовой? – От наметанного взгляда Эммы Яковлевны не укрылось, что девушка выглядит слишком бледной и изможденной. Нездоровой.

– Нет, что вы, не стоит, – слабо запротестовала Аля.

– Стоит, – жестким тоном перебила ее Эмма Яковлевна и сделала звонок в столовую, попросив принести обед. После чего повесила трубку и уставилась на Алю, наконец найдя подходящее объяснение:

– Вам нужны силы, чтобы найти убийцу Петера Самуило-

вича. Вы просто обязаны это сделать.

Стук в дверь раздался практически сразу же, словно работник столовой стоял за дверью и ждал Эмминых указаний.

Перед Алей положили салфетку, сверху жестом фокусника поставили тарелку с картофельным пюре, салатом и внушительной котлетой. Взглянув на Эмму и заслужив ее одобрительный взгляд, официант испарился, а Эмма махнула:

– Ешьте, не стесняйтесь, у нас прекрасно готовят. Это все Петер Самуилович, он заботился о нас, как отец родной. – Голос Эммы дрогнул, и она перевела взгляд на окно, где, впрочем, не было ничего интересного.

Аля, наплевав на приличия, принялась за еду, потому что желудок предательски урчал и скрывать издаваемые им звуки становилось все сложнее.

Она проглотила содержимое тарелки, на самом деле оказавшееся довольно вкусным, и почувствовала, что головная боль, терзавшая ее с того момента, как она получила сообщение от врача, немного отступает.

– А вы не знаете, где находится яхта Шульмана? – запив съеденное компотом из сухофруктов, который в детстве вызывал у нее только рвотные позывы, а сейчас показался на удивление вкусным, поинтересовалась Аля, отодвигая от себя в сторону тарелку. – Спасибо за угощение, очень вкусно.

– Это не мне, это Петеру Самуиловичу, – автоматически ответила Эмма Яковлевна и тут же осеклась и задумалась. – Яхта находится на верфи, ее недавно туда отправили на ре-

МОНТ.

– Когда?

– Где-то пару недель тому назад.

– А что с ней случилось? – Аля и сама толком не понимала, зачем ей эта информация, но по старой привычке решила узнать все нюансы.

– Коррозия или что-то в этом роде. В яхте появились дыры. Специалисты выясняют, что произошло.

– Наша экология самая экологичная в мире, – криво улыбнулась Аля, а Эмма Яковлевна ничего ей не ответила, лишь окинула долгим понимающим взглядом. Яхту и преступника, который на ней скрылся, можно было вычеркнуть из списка.

– Дайте мне знать, если Рива найдется... – Аля решила сменить тему.

– В каком смысле «Рива найдется»? – встрепелась Эмма Яковлевна.

– В прямом. В доме девушки не было. При обыске мы не обнаружили никаких следов ее пребывания. Все комнаты пусты и чисты, как в гостинице.

– Этого не может быть, – растерянno пробормотала Эмма Яковлевна, и у Али мелькнула шальная мысль, а не была ли она приставлена в роли соглядатая и устроителя личного счастья Шульмана? – Она же еще вчера была здесь, у меня. Мы обсуждали планы на хупу... Я ей позвоню сейчас.

Она схватила телефон и набрала номер девушки, слушая

и хмурясь по мере того, как раздавались длинные гудки. А затем включился автоответчик.

– Ничего не понимаю. Надеюсь, что с ней ничего не случилось, – обеспокоенно пробормотала она.

– Я тоже. – Аля вздохнула и, притянув к себе листы для записок, взяла без спросу ручку Эммы Яковлевны и записала свой номер телефона. Про визитки она все время забывала.

– Если найдется Рива, пожалуйста, перезвоните мне сразу же, в любое время дня и ночи. А еще лучше попросите девушку мне перезвонить лично, у меня к ней есть несколько вопросов. И еще – у Шульмана не было в последнее время проблем в бизнесе?

– Нет, – покачала головой Эмма Яковлевна, – он собирался выводить существующие компании на биржу, оставить за собой контрольный пакет акций и приступить к новым проектам.

– К каким? – как бы невзначай поинтересовалась Аля.

– На данный момент это всего лишь гипотетические планы, – ушла от ответа Эмма Яковлевна, а Аля сделала мысленную пометку поинтересоваться, какими такими новыми проектами собирался заняться Шульман. Сейчас давить не было смысла, информацию ей не дадут.

– А кому достанется состояние вашего босса после его ухода, вы не в курсе? – сменила тему Аля.

– Его детям, плюс, возможно, что-то родителям. Насколько я знаю, Петер Самуилович о смерти не задумывался и за-

вещания не составлял, – подумав, ответила Эмма Яковлевна.

– Кстати, где его дети?

– В Англии. – Она поймала вопросительный взгляд Али и кивнула в ответ на незаданный вопрос. – Да, я уже попросила, чтобы они вернулись с няней в страну. К этой своей...

– Маме. Катя их мама, – подсказала Аля. – Буду ждать вашего звонка, Эмма Яковлевна. Всего доброго и спасибо за угощение.

Она направилась к выходу из кабинета, на прощание обернулась, но Эмма Яковлевна уже была не с ней. Сгорбившись и словно резко постарев, она осталась наедине со своим горем, которое ей предстояло пережить. Аля на секунду задумалась, уж не была ли Эмма влюблена в злобного карлика, но затем отмела эту мысль. Все намного хуже, Эмма Яковлевна считала Шульмана своим сыном. А это значит, что с этой потерей она не сможет смириться до конца жизни.

Аля пешком спустилась с четвертого этажа, где располагалась приемная Шульмана, вышла на улицу и снова окунулась в серость. Хотя было всего около четырех часов дня, на город уже окончательно спустились сумерки, а зажигать фонари было слишком рано. Улицы освещались лишь тусклым светом из окон да редкими фарами машин. Аля вздохнула и сжала кулаки. Затем развернулась и зашагала в слишком хорошо знакомом направлении. Путь ее лежал на улицу Завертяева, где располагался онкологический центр.

Аля запретила себе думать. Она просто пойдет к доктору

и посоветуется с ним, что им делать дальше. Если организм мужа не отозвался на предложенное лечение, значит, нужно найти какое-то другое. Все понятно и логично. Конечно, речь пойдет снова о деньгах, но Аля уже решила этот вопрос. Она неплохо поднакопила за последнее время с помощью дурацких танцев по выходным. Если не хватит, то они продадут квартиру, а сами переедут жить на мамину дачу. Временно. На даче хорошо, особенно летом, которое все-таки настанет даже в их городе. У мамы прекрасный дом, где можно жить круглый год, но она им не пользуется, предпочитает квартиру рядом со своей аптекой. На дачу ездит лишь за сборами лекарственных трав. Она не будет возражать против их переезда.

Аля вставила в уши наушники и включила любовный роман, который слушала в последнее время. Он был настолько плох, что отвлекал ее от деструктивных мыслей.

«Она была высокой стройной блондинкой с голубыми глазами. И выглядела в короткой юбке так, что все парни сворачивали голову ей вслед...» – сообщил ей голос чтеца, а Аля немедленно обратилась к невидимому автору:

«Ну и кто из вас когда-нибудь напишет книгу о горбатой карлице-брюнетке, вслед которой все только плюются?»

Чтец равнодушно продолжал повествование:

«Он был самым красивым парнем команды. Блондин с голубыми глазами и широкими плечами».

Аля скривилась – если карьера в журналистике не зала-

дится, пойдет в писатели любовных романов. Хуже она вряд ли напишет. Она достала наушники и спрятала в сумку. Сегодня дурацкая книга только нервировала, отвлечься было невозможно, мысли все время возвращались к мужу.

Роме она про продажу квартиры ничего не скажет, разумеется, иначе он не разрешит ей этого сделать. Хотя квартира досталась ей от бабушки и Аля могла сама ею распоряжаться, что она и собиралась сделать. Будет скандал, конечно, но это уже потом. Вначале она просто соврет мужу, что доктора посоветовали ему свежий воздух. Ее печалило, что приходилось так часто врать Роме в последнее время, но она утешала себя тем, что это ложь во благо.

Здание онкоцентра, построенное в стиле конструктивизма, выглядело серым и депрессивным, как и все в их родном городе. Пятиэтажная махина с трехэтажным стеклянным подъездом была слишком хорошо знакома Але и каждый раз вызывала невольную дрожь, которую она не испытывала, даже входя в прозекторскую. В которой, впрочем, бывала гораздо реже, чем в онкоцентре в последнее время.

Используя все свои связи и рычаги давления, она заставила лечащего врача Романа общаться с ней напрямую, минуя мужа. Рому тот видел только во время осмотра, взятия анализов и химиотерапии.

– Мне очень жаль, – покачал головой пожилой Лев Григорьевич, который, казалось, еще больше уменьшился за те несколько недель, что Аля его не видела, и словно потерялся

в недрах своего белого халата.

– Бывает, – пожала она плечами. – Что теперь? Какое лечение вы предлагаете?

– Вы не поняли, Алевтина Сергеевна, мне очень жаль, но помочь вашему мужу мы больше не сможем, – качая головой словно заведенный, продолжал врач.

– Как это не сможете? – Але показалось, что на нее рухнула бетонная плита и она в агонии встала и побежала. Сейчас она сделает несколько шагов, а затем отключится. И неизвестно, придет ли когда-нибудь в себя. Впрочем, все это происходило только в ее воображении. В реальности она продолжала сидеть на неудобном стуле, стоящем напротив стола врача, и тупо смотреть на Льва Григорьевича.

– Мы исчерпали свои возможности, – развел руками тот. – Болезнь слишком быстро прогрессирует. Еще немного, и можно будет диагностировать четвертую стадию. Я бы мог вам посоветовать обратиться к немецким или швейцарским специалистам, но я реалист и знаю, сколько будет стоить это лечение.

– Погодите, но вы же не можете совсем ничего не делать и просто позволить человеку умереть? – У Али выступили слезы. Она держалась изо всех сил, чтобы не разреветься прямо в кабинете у врача. Не то время и не то место, потом поплачет.

– Я могу выписать обезболивающие, – сочувственно предложил тот. – Возможно, через пару месяцев я смогу помочь

вам найти место в хосписе, в области недавно открыли новый, там неплохой уход. И вы должны сказать правду своему мужу, Алевтина Сергеевна, он имеет право знать.

Аля подскочила, словно ее и вправду контузило.

– Прекратите, прекратите немедленно! – закричала она, не в силах сдержать эмоции, хотя прекрасно понимала, что Лев Григорьевич действительно старается и ни в чем не виноват. – Я найду деньги. Без проблем. Просто скажите сколько. Сколько это стоит?

– Я не знаю, но могу узнать, если вы так настаиваете, – устало кивнул врач. Если для нее так лучше, то ему несложно сделать запрос, а она за это время остынет и поймет, что даже если продаст обе почки, то лечение мужа она все равно оплатить не сможет. Аля нравилась ему. Маленький боец, но даже она была здесь бессильна. – Я сделаю запрос в клиники.

– Вот и сделайте, а не предлагайте мне свои идиотские хосписы, Роме они не нужны! И не забывайте, что ваш сын тоже участвовал в той краже, просто следствие получило не все доказательства. Но оно их получит, если мой муж хоть что-нибудь узнает о своем нынешнем состоянии, – пригрозила Аля и, не прощаясь, резко вышла из кабинета, от души хлопнув дверью.

Опустив глаза и стараясь ни с кем не встречаться взглядом, ей было стыдно за свое поведение, бессовестный шантаж и проявленную слабость, Аля сбегала вниз по лестнице медицинского центра и направилась к машине. На улице

снова зарядил мелкий дождь, но она этого даже не заметила. Дождь смешивался со слезами, и еще полчаса она проплакала, сидя в машине. Затем умылась водой из бутылки, которую по Роминому настоянию все время таскала с собой, забывая из нее пить, и направилась к дому. Она что-нибудь придумает, обязательно.

Лев Григорьевич, несмотря на протесты ожидающих пациентов, решил сделать небольшую паузу. Он сидел за столом, обхватив голову руками, и думал, что же ему делать. При его работе, которую и так легкой не назовешь, он очутился между молотом и наковальней. Ведь сегодня утром к нему наведася Роман, который потребовал сообщить результаты анализов после пройденного лечения. Он вообще был в курсе всего происходящего, но настоятельно требовал не сообщать об этом его жене, чтобы ее не расстраивать. Черт, эти двое были слеплены из одного теста. А тут еще и его сынок-бестолочь, из-за которого Лев Григорьевич попался в ловушку правоохранительных органов.

Конечно, можно было пойти и пожаловаться на следователя и ее бессовестный шантаж. Вот только смысла в этом не было. О том, что начальник управления – родной дядя Алевтины Орловой, знали все. Лев Григорьевич пытался придумать, как же ему проскользнуть сквозь капли дождя, чтобы не вымокнуть насквозь, но так и не придумал.

Дом встретил ее вкусными запахами, теплом и негромким звуком телевизора.

– Мой руки и на кухню, пока блины не остыли.

Муж, опираясь на палочку, вышел из комнаты, а Але вдруг бросились в глаза его бледность и нездоровая худоба – за последние полгода Ромка потерял более тридцати килограммов и больше не напоминал того стройного широкоплечего парня, любящего спорт и танцы, с которым они в свое время покорили множество отечественных и даже международных конкурсов.

– Хотел котлет тебе нажарить, но мясо закончилось, – пожаловался Рома.

– Я куплю, – одними губами прошептала Аля, не став уточнять, что мясо их стесненный бюджет не предполагает. Она просто сделала так, как попросил муж. Зашла в ванную, придирчиво осмотрела себя в зеркало – волосы растрепались, лицо землистого цвета, между бровями наметилась морщина, но глаза не красные, хорошо. На всякий случай еще раз плеснула холодной водой в лицо, тщательно растерла его полотенцем, чтобы хоть немного вернуть цвет щекам, и намазалась дурацкой «Ромашкой». Затем прошла на крошечную кухню, где посреди небольшого стола, за которым места хватало только им с мужем, виселась аппетитная гор-

ка свежих блинов. Рядом стояли заварочный чайник с горячим чаем, тарелка, кружка, баночка сметаны и варенье. Аля рухнула на стул и запретила себе думать. Если она разрыдается при Ромке, ей конец.

– Как твой шопинг? Выглядишь так, как будто тебя танком переехали. – Муж был единственным человеком, которого по-настоящему интересовало, как у нее дела. Так было всегда, и Але было страшно представить, как она будет жить, если он вдруг перестанет задавать ей банальный вопрос про то, как у нее дела.

– Можно и так сказать, – криво усмехнулась Аля. – От шопинга меня спасло убийство Шульмана.

Рома, пристроившийся на стуле напротив нее и уже наливший себе чашку чая, так и застыл с чайником в руках. А затем, опомнившись, налил чай Але, поставил чайник на стол, повернулся, чтобы взять с рабочей поверхности сахарницу, и автоматически кинул два кубика в чашку жены. Аля прикусила губу и подняла глаза к потолку, отгоняя слезы.

– Убийство Шульмана? Ты из-за этого плачешь? – удивленно переспросил Роман, замечая реакцию жены, которая в последнее время стала слишком эмоциональной. – Не знал, что ты так была к нему привязана. Это Катя его?

– Нет, она тут ни при чем, – покачала головой Аля, хватая блин, сворачивая его треугольником, откусывая и прикрывая глаза, делая вид, что в восторге от Ромкиной стряпни, вкус которой даже не почувствовала, хотя готовил Рома

божественно. Тщательно прожевав и немного успокоившись, Аля сообщила мужу: – По крайней мере, я на это надеюсь. Ему перерезали горло, а Катька на такое не способна. Да и алиби у нее имеется.

– Тогда кто же его убил?

– Это мне и предстоит узнать, но сейчас я не хочу об этом говорить. Посмотрим что-нибудь?

– С удовольствием, но я бы хотел уточнить, что значит «это мне и предстоит узнать»? Ты что, снова заделалась следователем? – нахмурился Роман.

– Нет, я в пресс-службе, – покачала головой Аля. – Просто дядя Паша дал мне карт-бланш. Думает, что я все раскручу раньше следователей, напишу эксклюзивную статью и получу за нее кучу денег.

– Но на самом деле? – скептически ухмыльнулся Рома.

– На самом деле он на мою помощь рассчитывает, – вздохнула Аля. – Сам понимаешь, у него скоро пенсия, а нераскрытые висяки, еще и такого масштаба, очков ему не добавят. Ну так что там с кино?

– Давай я тебе сделаю ванну, ты полежишь, отдохнешь, а я пока найду какой-нибудь фильм. – Ромка с трудом поднялся, а Але захотелось остановить его, усадить, чтобы отдыхал побольше. Самой наполнить эту чертову ванну, но она остановила себя. Не нужно намеренно превращать мужа в инвалида. Пока у него есть цели и задачи в жизни, он будет бороться.

– Ром... – Она запнулась, не в силах начать разговор про переезд. Малодушно решила перенести его на завтра. Для начала стоит все-таки спросить у мамы, могут ли они переехать на дачу.

– Что? – Ромка обернулся, призрак себя прежнего.

– Ничего, спасибо. Очень вкусно. Станцуем? – робко улыбнулась она.

Сейчас их славное спортивное прошлое осталось в истории, но оба по-прежнему любили танцевать. Рома молча кивнул. Аля знала, что каждое движение ему сейчас дается непросто, но знала она и то, что мужу было важно чувствовать себя полноценным. Поэтому иногда они танцевали.

Она потянулась за телефоном и включила медленную музыку.

– Орлик, ну это несерьезно, – улыбнулся муж, – ты же любишь рок-н-ролл, – он подошел к Але и протянул ей руку. Та привычным жестом взяла ее, одним легким движением встала со стула и прижалась к мужу.

– Я уже сегодня нафестивалилась, – улыбнулась она. – В моем возрасте хочется чего-то поспокойнее.

Они принялись медленно кружиться на крошечной кухне, стараясь не совершать лишних телодвижений, чтобы не задеть стол и стулья. Но в какой-то момент Роман все-таки не выдержал и «опрокинул» партнершу, ловко поймав ее, чтобы она не ударилась. Удалось ему это с трудом.

– Что-то ты потяжелела, радость моя, – он попытался сгла-

дить неловкость.

– Это потому что меня уже сегодня кормили, – сообщила Аля, кладя ему голову на плечо и крепко обнимая.

– И кто же это? – муж смешно нахмурился, но Аля знала, что он ее совсем не ревнует. Полное доверие миру.

– Секретарша Шульмана. Забавная дама. – Аля с трудом заставила себя снова улыбнуться. Муж улыбнулся в ответ и слегка отстранил ее от себя, давая сделать разворот, а потом быстрым движением снова закрутил и прижал к себе, поцеловав.

Аля вдруг почувствовала, что ей тяжело дышать.

– Все, Ром, что-то я устала, – она остановилась и схватила телефон, выключая музыку.

– Стареешь, – ухмыльнулся муж.

– И не говори, – с трудом выдавила из себя Аля.

– Тогда в ванную? – Рома приподнял брови.

– Тогда в ванную, – кивнула Аля.

Едва из ванной послышался звук льющейся воды, как Аля, закрыв глаза, разрешила себе выдохнуть впервые с момента возвращения домой.

* * *

«Как же я хочу, чтобы этот ад закончился прямо сегодня!» Написала и тут же зачеркнула, нет, так нельзя. Вселенная, высший разум, Бог или кто там такой хитроумный сидит над

нами всеми и дергает за веревочки, не понимает иносказательных выражений. Ему нужно формулировать все четко и ясно, словно задавать алгоритм машине. Впрочем, может, там, наверху, и сидит какая-то хитроумная машина, которая склонна понимать все произносимое, написанное, подуманное буквально и тут же превращать в жизнь. Недаром ведь говорят: «Бойся желаний своих». Идеальное правило для всех тех, кто не умеет правильно формулировать свои желания. В большинстве случаев они действительно выходят боком.

Еще под «закончилось прямо сейчас» поймут что-то страшное. Нет, надо по-другому.

«Как же я хочу, чтобы Рому вылечили, чтобы мне не пришлось писать эти идиотские страницы каждое утро, чтобы все было так, как раньше, чтобы я не слышала звонок будильника, а Ромка щекотал мне пятки и трубил слонем на ухо в попытке меня разбудить. Чтобы потом я опаздывала на работу, а он терпеливо ждал меня у двери с термосом, до краев наполненным кофе и двумя бутербродами с сыром и салатом (Аля, нужно нормально питаться). Как же я ненавижу эти бутерброды и как бы я все отдала за них сейчас...»

Мысли изливались бурным потоком, и Аля с трудом успевала их записывать. Она никогда не обращалась к психологам – не доверяла, боялась, не хотела никого пускать в душу, в силу специфики работы была уверена, что вся личная и, казалось бы, конфиденциальная информация в какой-то

момент все равно станет доступна посторонним. Ни в какие врачебные тайны она не верила, из собственного опыта знала, как легко можно получить любую информацию, достаточно лишь проявить настойчивость, изобретательность и дернуть за правильные ниточки.

Когда-то в порыве отчаяния, не в силах самостоятельно справиться с грузом Роминой болезни, она даже заглянула в интернет на тематический форум, где общались жены тяжелобольных людей. Одна из женщин, Аля все еще зачем-то помнила ее ник, Счастливая32, писала, что ей помогает техника «Утренние страницы». Ее смысл в том, чтобы сразу после пробуждения излить из себя все, что приходит в голову (таким образом еще не очнувшееся после сна подсознание выдает то, что не дает ему спокойно жить), зафиксировать это где-то, а затем продолжить день очистившимся человеком. Своего рода гигиенический душ для души и разума.

Один раз в порыве отчаяния Аля прибегла к этой технике, и ей неожиданно понравилось. В конце концов, мы же чистим свой дом, почему бы не почистить сознание? Тем более ее собственное вкрай замусорено.

С компьютерами у нее были непростые отношения – она им не доверяла так же, как и психологам. Аля отлично знала, что первое, что выносят злоумышленники в случае кражи, – это техника. К тому же компьютером охотно пользовался Рома и был с ним на «ты». Он может случайно натолкнуться на ее страницы, и тогда разговоров и выяснений отношений

точно не избежать. А ей этого хотелось меньше всего.

Поэтому Аля утащила у матушки из магазина роскошный блокнот ручной работы (черт ее знает, почему она просто не попросила. Возможно, потому что в магазине и аптеке у мамы было все настолько идеально, что ей отчаянно хотелось внести в них легкий порыв хаоса).

Нежно-зеленого цвета, с мерцающими молочными страницами, перетянутый кокетливой веревочкой – мечта девушки-подростка. Блокнот она прятала в чемодане, лежащем на антресолях. Там Ромка его никогда не найдет. Во-первых, они никуда не ездили, во-вторых, Рома бы сейчас туда просто не дотянулся. Але не было стыдно, что она пользуется слабостью мужа, она это так не рассматривала. Она просто защищала Романа от ненужной ему информации.

Закончив свои обязательные пять страниц, Аля, спрятав дневник и осторожно задвинув чемодан поглубже на антресоли, уставилась в окно, где унылое серое утро, похожее на мутную молочную сыворотку, уже начинало с трудом просачиваться сквозь черную марлю ночи. Всю ночь бушевала гроза, такая же по мощи, что и в ночь убийства Шульмана. Как-то они зачастили в последнее время, да и время года было для них не совсем обычным. Неужели и правда это все проделки изменения климата?

К утру буря уgomонилась и проклевывался еще один серый день. Ни намек на весну, как будто они навсегда застыли в межсезонье, словно мухи в янтаре, не понимая, что с

ними случилось.

Сегодня она проснулась ровно в пять, чувствуя себя разбитой и уставшей. В последнее время бессонница все чаще мучила ее, отступала лишь на выходных, когда Аля танцевала в клубе. Она ненавидела себя за это, поначалу сопротивлялась, даже к докторам обращалась в надежде, что таблетки помогут. Бесполезно, не следовало и начинать. Все эти гормоны сна помогают только тем, кто в них верит. Психосоматика чистой воды. Но полгода назад она была дезориентирована, не понимала, что происходит, все еще наивно верила в чудеса. Затем перестала сопротивляться организму, работающему как сломанные часы и решившему, что пары часов сна ей вполне хватит для отдыха, и начала напряженно думать, как ей извлечь из этого выгоду?

После того как в ее жизнь пришла техника утренних страниц, вопрос снялся с повестки дня. Она просыпалась до того, как тьма сползала с города, словно грязное одеяло. Тихонько, стараясь не дышать, чтобы не нарушить чуткий сон мужа, выскальзывала из кровати, на цыпочках кралась в коридор, осторожно притаскивала стул из кухни, залезала на него и открывала антресоли, со всей возможной осторожностью доставая старый чемодан и утаскивая его в кухню. Поставив чайник на плиту, она из предосторожности закрывала кухонную дверь на ключ, извлекала из чемодана на свет блокнот с ручкой и начинала писать, запивая свою боль крепким горьким кофе и потихоньку просыпаясь вместе с городом. Ее го-

родом.

Капризным, убогим, местами откровенно некрасивым, большую часть года грязным, с разбитыми дорогами и неряшливыми домами. С небом, где в последнее время брезговало появляться даже солнце. Вначале оно еще как-то пыталось пробиться через вечный смог, но затем сдалось и ушло светить туда, где от его усилий был хоть какой-то толк. В этом городе ему уже не было смысла напрягаться, потому что город умирал вместе с его обитателями. Несмотря ни на что, Аля его любила, любила так сильно, как любят непутевого родителя.

Она знала, как шелестят дубы на алее возле речки, где юное сердце замирает в ожидании дискотеки в ДК «Железнодорожник» – месте встречи всех тех, кто еще юн, наивен и ищет любви. Она знала, как цветет сирень на Садовой улице, где когда-то находилась старая дача дяди Паши, где они с Никой проводили каникулы, пока матушка была занята своими колдовскими зельями. Знала она, как цветут японская вишня и декоративная яблоня возле материнской аптеки. Мама привезла саженцы из поездки, и все специалисты в один голос твердили – в их широтах капризные красавицы не приживутся. Но для мамы законы природы были не писаны, она сама ими управляла. Вишня и яблоня не просто прижились, а раскинули роскошные кроны, каждый год расцветая все обильнее. На такую красоту весной слетались почти все городские жители – чтобы провести фотосессии

и сохранить теплые воспоминания на то время, когда город снова начнет задыхаться от смога. Аля была благодарна матери за это маленькое чудо. Как была благодарна всем, кто пытался сделать ее город чуточку лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.